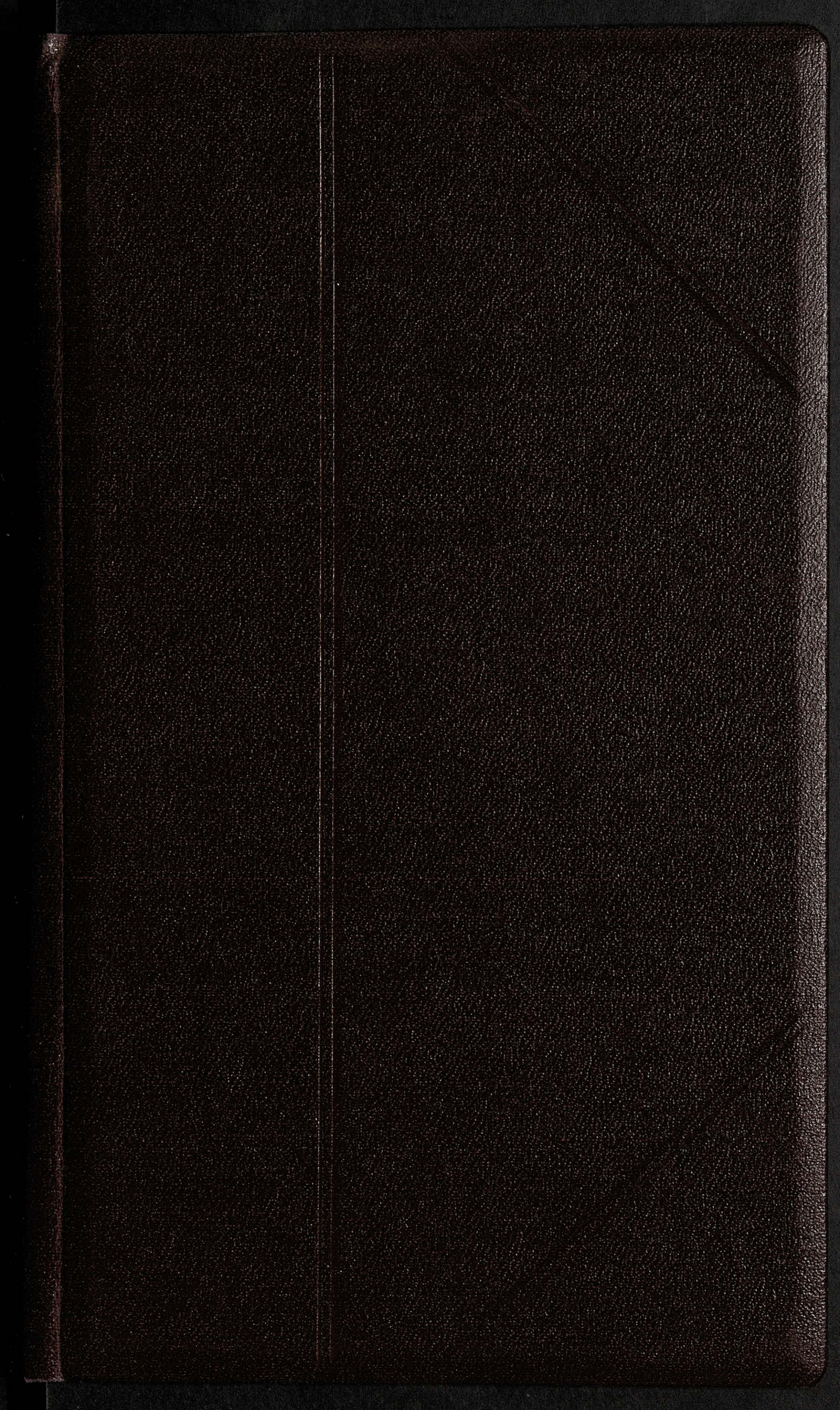
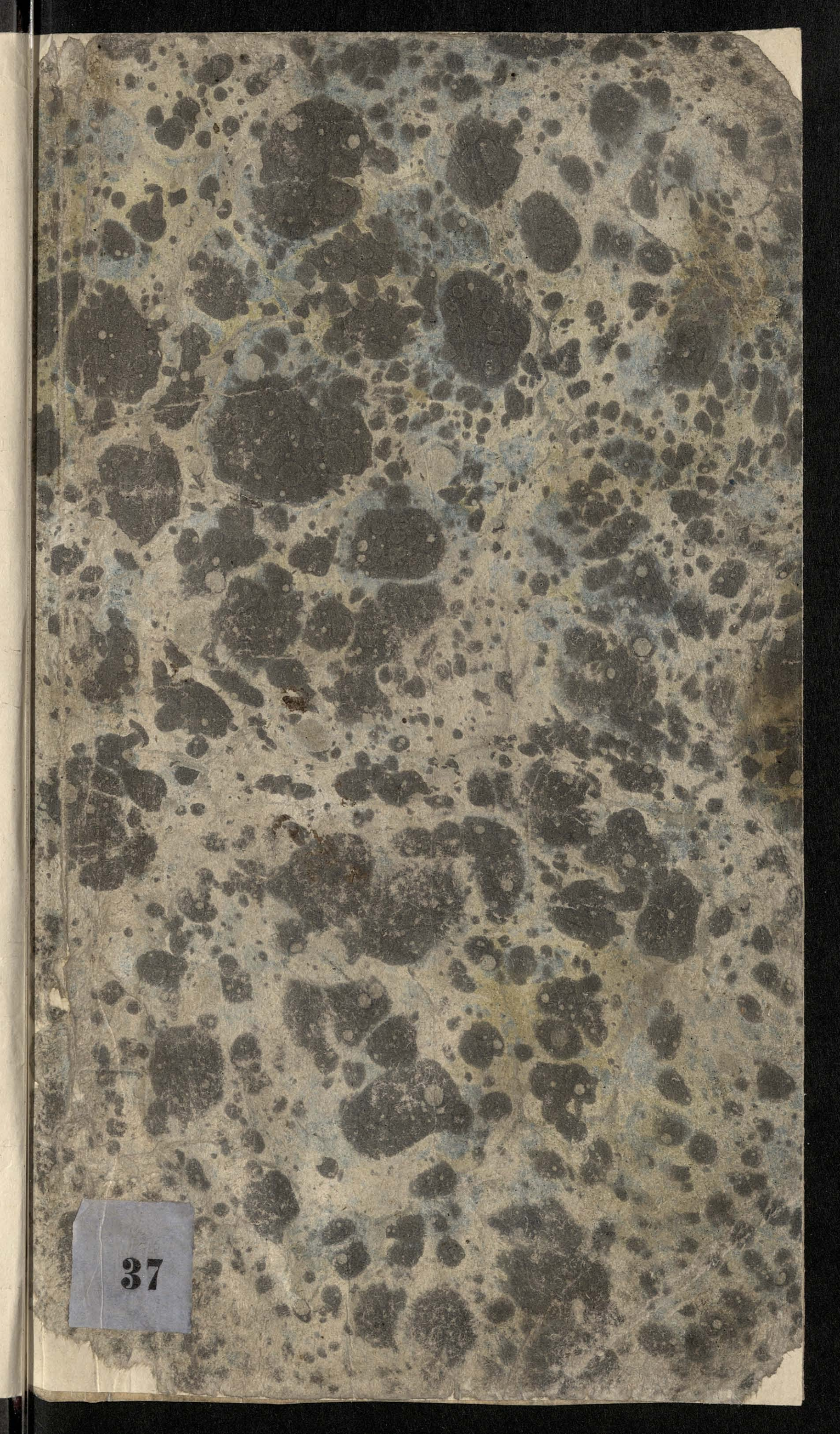
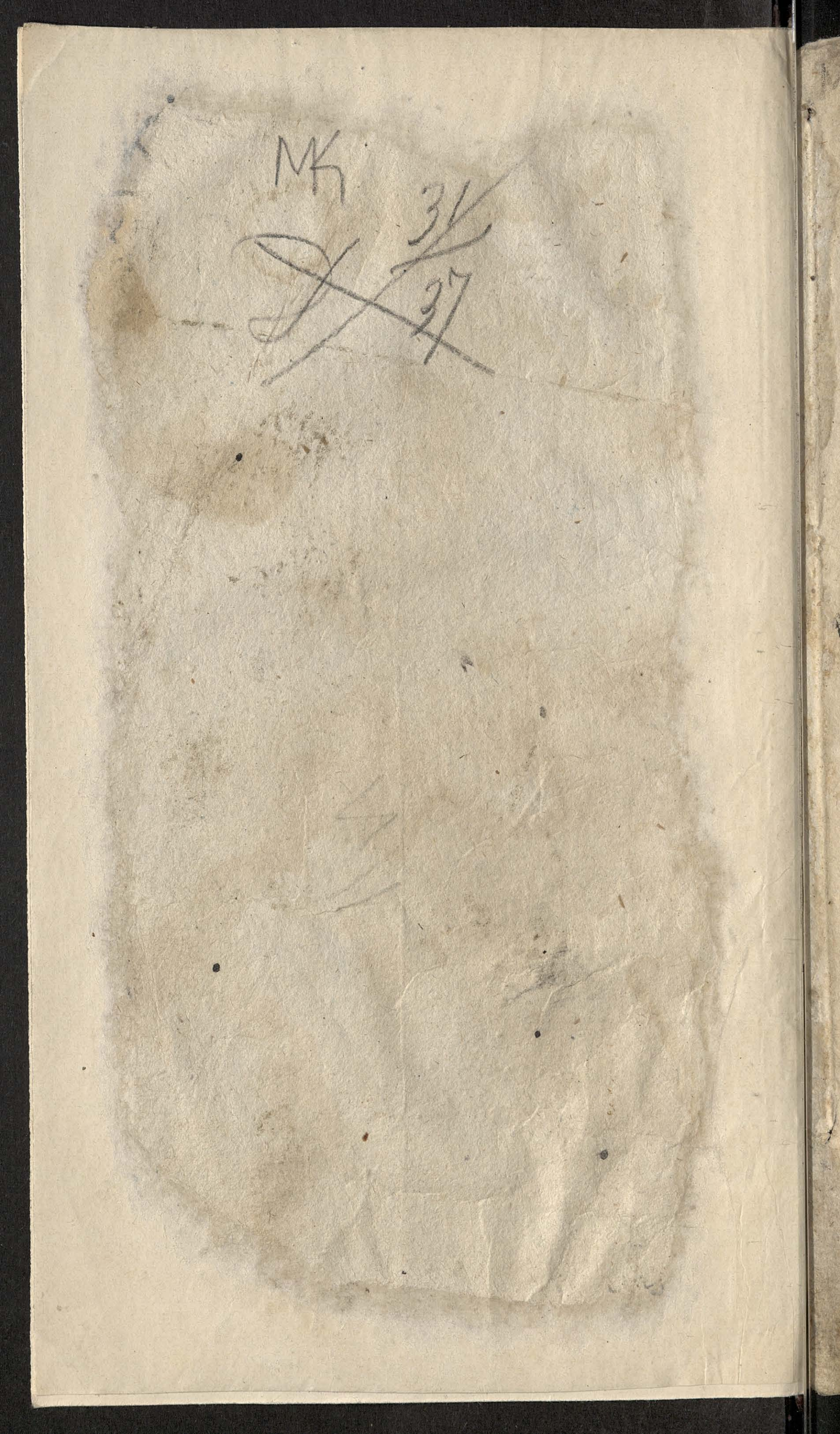

37

MK
31
27

ГОРДОСТЬ И БѢДНОСТЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Господина Гольберга.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи

у Н. Новикова,

1788.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ Комедію подъ заглавіемъ: Гордость и Бѣдность, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи Театральныхъ сочиненій и переводовъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Надворный Совѣтникъ, Исторіи, Нравоученія и Практическаго Россійскаго Краснорѣчія Профессоръ, и Московскаго Россійскаго Театра Ценсоръ

ХАРИТОНЪ ЧЕБОТАРЕВЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЪ РАНУДО де КАЛИБРАДОСЪ, *вельможа Испанской.*

ДОННА ОЛИМПІЯ, - *жена его.*

ДОННА МАРІЯ, *дочь ихъ, любовница Гонзалова.*

ГОНЗАЛО, *Испанской Дворянинъ, любовникъ Донны Маріи.*

ИЗАБЕЛЛА, - *сестра его.*

ЛЕОНОРА, - *служанка Донны Маріи.*

ГУСМАНЪ, - *Пажъ Донъ Рануда.*

ПЕДРО, - *лакей Донъ Рануда.*

Разсыльщикъ.

Переводчикъ.

Нотаріусъ.

Крестьянинъ.

Свита Принцова, которая Гонзала представляетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Гонзало, Изавелла.

Гонзало.

Правда, сестрица! я не вижу никакой находки въ этой невѣстѣ; однакожъ и то сказать надобно, любовь моя все преодолѣваетъ. Фамилія ея хотя знатная издревле, да вить и наша не хуже. Когда они больше великихъ людей въ родѣ своемъ имѣли, такъ мы можемъ богатствомъ похвалиться, и въ такой ихъ бѣдности много помочь; да какъ бы то ни было, и ни на что не взирая, люблю дочь ихъ Донну Марію чрезвычайно, и сожалѣю объ ней, что она такъ бѣдна, а родители ея глупою своею спесью столько слуху въ городѣ надѣлали, что вся Испанская

нація невинно отъ того страждетъ.

Изабелла.

Братецъ! я въ томъ не спорю, бѣдность ея нашимъ достаткомъ починится; да на чтожъ такимъ людямъ раболѣпствовать? Какъ можно то сносить, что тебя такъ презираютъ? Тебѣ должно конечно за честь свою стоять; и какъ скоро хоть маленькое подозрѣніе примѣтишь, тотчасъ бросить, и впредъ никогда о томъ не думать.

Гонзало.

Ахъ, сестрица! ты можетъ быть не знаешь, что есть любовь; а когда бы знала, то бы конечно не стала такъ говорить. Честолюбіе часто во мнѣ съ любовію боролось, однакожъ побѣждала любовь всегда.

Изабелла.

А когда по видимому нѣтъ никакого способа то получить, такъ не лучше ли взять разсудокъ разумна-

умнаго человѣка: любовь та выкинуть совсѣмъ изъ головы.

Гонзало.

Далеко отъ того, чтобъ любовь моя отъ презрѣнія родителей ея ко мнѣ погаснуть могла; она лишь тѣмъ пламень свой умножаетъ.

Изабелла.

Я думаю, братецъ! ты хочешь, чтобъ о любви твоей исторію сдѣлали, а тыбъ героемъ въ ней былъ; право мнѣ всіо это баснею кажется.

Гонзало.

Надежда не совсѣмъ вить пропала; я думаю, что ежели бѣдность ихъ продолжится, то они согласятся лучше дочь замужъ отдать, и тѣмъ фамилію свою возставить, нежели отъ глупой гордости съ голоду умереть.

Изабелла.

Я вижу, Гонзало! что ты гордости прямо не знаешь, когда такъ говоришь; они конечно лучше помрутъ, нежели согласятся.

Гонзало.

Еще ты одного не знаешь.

Изабелла.

А что такое?

Гонзало.

Я увѣренъ, какъ бы они ни презирали, а дочь ихъ меня очень любитъ; она не давно говорила съ тѣткою моею съ великою горестiю о томъ, что родители ея до такого состоянiя ее доводятъ.

Изабелла.

Да это ни мало не поможетъ; они за нею такъ прилѣжно смотрятъ, что ей никакъ не льзя и видѣть тебя, а кольми паче обхожденiе частое имѣть.

Гонзало.

Правда, однакожъ любовники способы такiе сыскиваютъ, которыхъ никто не примѣтитъ. Ежели прозьба не поможетъ, то я къ обманамъ приступлю; буде въ обманахъ удачи не будетъ, то силою способа искать буду, хотя бы то и жизни моей стоило. *Иза-*

Изабелла.

Мнѣ тебя жаль очень, что ты вѣ такомѣ состояніи; я уже не могу больше намѣренія твоего хулить для того, что когда любовь кѣмѣ овладѣетѣ, тотѣ уже больше сожалѣнія, нежели наказанія достоинѣ. Я всѣми силами о тебѣ стараться буду; дай Богѣ, чтобѣ я могла чѣмѣ тебѣ пособить! Да вотѣ Педро идю̂тѣ. Поди ты теперь прочь, я хочу сѣ нимѣ поговорить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Педро, Изабелла (одаль).

Педро.

Вотѣ изрядно! теперь совсѣмѣ чисто, нѣтѣ вѣ домѣ ни ложки, ни плошки, меня послали занять на себя котелѣ; для того что на барское имя ужѣ никто не дастѣ. Да ктожѣ и мнѣ-то дастѣ? А хотя бы я и досталѣ, то нечегожѣ витѣ намѣ вѣ немѣ варить будетѣ; вездѣ такѣ чисто, что ничего, кромѣ титула Свѣтлости да Сіятельства,

не осталось, которое, хоть и все вмѣстѣ положа въ котелъ, сварить, то пустая уха только будетъ; однакожъ только они очень великими себя дѣлаютъ, а особливо госпожа; потому что она конечно лучше умереть съ голоду согласится, нежели хоть одну литеру изъ своего великаго имени пропустить. Не дай Богъ, чтобъ я такого мнѣнія былъ. Я лучше продалъ бы не только одно имя отца моего, и честь всю за что нибудь, нежели какую нужду терпѣть, а кольми паче умереть съ голоду. Честь и почтеніе вещи очень хорошія; а какъ ихъ въ обѣдѣ, или въ ужинѣ вмѣсто пищи употреблять то скоро до смерти объѣсться можно будетъ. Я намѣренъ еще нѣсколько дней въ этомъ домѣ прожить. Мнѣ не очень трудно смотрѣть, какъ господа мои, покушавши гороху да пустой каши, въ зубахъ ковыряютъ, для того что я хожу къ пріятелю обѣдать, а они вмѣсто конфектовъ забавляются до сыта дѣлами предковъ своихъ. Ба! да кто это?

(Подходя къ Изабеллѣ.)

По-

Покорнѣйшій слуга, сударыня! для чего одна изволите ходить безъ служителей?

Изабелла.

Да я ужъ доросла до такихъ лѣтъ, что сама безъ проводника ходить не боюсь. Педро! а что господа твои дѣлаютъ?

Педро.

Теперь гости у насъ кушаютъ, я иду конфектовъ купить.

Изабелла.

А кто гостей-то у васъ?

Педро.

У насъ Герцогъ де ла Вера Круксъ, Княгиня Донна Эмилія де ла Шпадасъ, Геронимо Викторъ Аббатъ Деяго, Иль Маркецъ Фердинандо Гонзало съ супругою, и множество другихъ, о которыхъ говорить почитаю я себя недостойнымъ.

Изабелла.

Такъ мнѣ теперь не льзя отважиться ихъ посѣтить?

Педро.

Нѣтъ; мы имѣемъ приказъ сего дня никого не пускать, кромѣ такихъ, кои самыми древними и знатными Испанцами назваться смѣютъ.

Изабелла.

Да для чего это сего дня вздумалось имъ такой великой банкетъ сдѣлать? у нихъ никогда этого не бывало.

Педро.

Это сдѣлано въ воспоминаніе побѣды, которую одинъ изъ предковъ ихъ Донъ Рамиро де Калибрадосъ въ этотъ день одержалъ надъ Королемъ Месопотамскимъ, и въ полонъ его взялъ. Дурно, ежели много такихъ дней въ году будетъ, потому что кошельку очень вредно; я вамъ осмѣлюсь сказать, эдакой банкетъ стоитъ имъ не меньше тысячи червонныхъ.

Изабелла.

Да для чегожъ ты, Педро! въ такой великой праздникъ въ худой и раздранной ливреѣ?

Педро.

Педро.

Для воспоминанія изодраннаго знамя, которое вышепомянутой Донъ Рамиро несъ.

Изабелла.

Сколько я слыхала, то Генералы знаменъ въ баталіи сами не носятъ.

Педро.

Нѣтъ, сударыня! я вить сказалъ, что Прапорщикъ его несъ; оно въ баталіи пулями и ядрами такъ было изодрано, какъ моя ливрея.

Изабелла.

А давно ли Донъ Рамиро эту баталію выигралъ?

Педро.

Сего дня ровно шесть сотъ лѣтъ.

Изабелла.

Ба! да тому еще три ста лѣтъ, какъ ружья и пушки въ употребленіи.

Педро.

Педро

Такъ, сударыня! я очень малъ для спору въ томъ съ вами, и оставляю то въ своемъ мѣстѣ; а въ томъ только побожиться смѣю, что знамя очень изодрано было, и для того я въ воспоминаніе того нынѣшній день по вся годы эдакую ливрею надѣваю.

Изабелла.

Да мнѣ кажется, что я тебя ужъ недѣли съ четыре въ этой ливреѣ вижу.

Педро.

Всякъ такъ ходитъ, какъ хочетъ, а я имѣю къ тому нѣкоторую причину.

Изабелла.

Какая бы то была причина въ службѣ такихъ знатныхъ господъ въ эдакомъ изодранномъ рубищѣ ходить? Иной подумаетъ, что эта фамилія въ скудость пришла.

Педро.

Въ скудость? да какъ господинъ такой, которой больше ста ко-

колѣнъ въ своей фамиліи сочтетъ, можетъ въ скудость притти? Положимъ же на всякое колѣно хотя по червонному, такъ вить великая сумма будетъ.

Изабелла.

Я до тѣхъ поръ стану думать, что это отъ бѣдности дѣлается, пока точной причины не узнаю.

Педро.

Чтобъ отнять ваше сомнѣніе, скажу вамъ причину. Господа наши примѣтили, что нынѣ у всѣхъ въ обычаѣ богатыя ливреи имѣть, и тѣмъ знатнымъ отъ прочихъ отмѣниться не льзя: такъ для того вздумали, чтобъ ихъ служители худо одѣвались. А какъ скоро увидятъ, что прочіе станутъ также худыя платья носить, то я опять богатой свой кафтанъ надѣну. Вы я чаю изволили въ Мадритѣ при Дворѣ видѣть, когда мѣщане богато наряжаются, тогда придворные простыя платья носятъ.

Иза-

Изавелла.

Да, это бываетъ; однако они не ходятъ въ эдакихъ разодранныхъ рубищахъ.

Педро.

Да, да, сударыня! господа мои довольно знаютъ, что дѣлаютъ; они конечно ни за что не принимаются, не разсудя довольно о томъ прежде.

Изавелла (*тихо*).

До тѣхъ поръ стану къ нему привязываться, пока проговорится. (*Въ слухъ*) Да ты давича сказывалъ, Педро! что носишь этотъ изодранной кафтанъ въ воспоминаніе того знамя, которое на баталіи разбито было.

Педро (*тихо*).

Чтобъ тебя чортъ взялъ съ вопросами. (*Въ слухъ*) Я право не помню, что сказалъ, сударыня! да знаю то, что домъ господъ моихъ полонъ золота, серебра и всякихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; и потому видно, что не отъ бѣдности это дѣ-

дѣлается; подумайте, сударыня! между прочими драгоцѣнностями есть у нихъ родословная книга, которая больше нѣсколькихъ тысячь стоитъ.

Изабелла.

А какъ въ оцѣнку придетъ, то можетъ быть не больше десяти копѣекъ оцѣнятъ, да и то на охотника, а барышникъ и того не дастъ, я знаю.

Педро.

Нечего тутъ о барышникахъ разсуждать; однакожъ, что до дѣла надлежитъ, такъ я васъ покорно прошу, сударыня! иныя мысли о господахъ моихъ принять. Я увѣряю васъ, что это только однѣ басни людскія, что говорятъ, будто видна въ домѣ нашемъ бѣдность.

Изабелла.

Я очень желаю, чтобъ такъ было, какъ ты говоришь; однакожъ я слышу, что купцовъ и мастеровъ множество жалуются, которымъ господа твои денегъ не платятъ.

Педро.

Педро.

Ахъ, сударыня! вы изволите издѣваться; они знаютъ, какъ жить на свѣтѣ должно; да и вамъ извѣстно, что во всѣхъ знатныхъ домахъ мода есть заставлять людей за долгами долго ходить. Повѣрьте мнѣ, это не для недостатку въ деньгахъ дѣлается, что должники часто съ пустыми руками отъ насъ домой ходятъ, а эдакой обычай есть, безъ котораго бы, можетъ быть, знатнаго съ подлымъ и разобрать трудно было; и для того господа мои такъ и поступаютъ. Я знаю одного купца здѣсь въ городѣ, которой всякой день почти въ одинъ знатной домъ ходитъ просить денегъ за кусокъ кисеи, которая у дѣда еще его на кредитъ куплена; и онъ можетъ быть еще лѣтъ десять по пустому бѣгать станетъ, для того что этотъ домъ самой знатной во всемъ городѣ.

Изабелла.

Мы не наблюдаемъ этой моды въ домѣ, и братъ мой Гонзало не допускаетъ въ другой разъ за деньгами приходить.

Педро.

Я этому вѣрю, сударыня! да вить и разница-та велика между нашимъ и вашимъ домомъ; всякъ знаетъ, что наша фамилія издревле знатнѣйшая во всей Испаніи.

Изабелла.

А я держу, которая фамилія богатѣе, та и знатнѣе.

Педро.

Я не знаю, что вы въ томъ разумѣете; повѣрьте мнѣ, сударыня! что господа мои не бѣдны, а иначе можете вы въ нареканіе впасть. Я хожу въ изодранной ливреѣ, это правда, да это не для бѣдности господъ моихъ; и я могу вамъ доказать, сударыня! что сколь ни худо мое платье, однакожъ

кожъ я ношу щелковой платокъ въ карманѣ.

(Выдернулъ изъ кармана худой шелковой платокъ, съ которымъ выпала сухая корка хлѣба на полъ.)

Изабелла.

Ха, ха, ха! смотри, ты богатство свое на полъ уронилъ.

Педро.

Это кусокъ шоколаду, сударыня!

Изабелла (поднявъ кусокъ смотритъ).

Да чему петь быть, это гнилая корка хлѣба; посмотри, шоколадъ ли это?

Педро.

Нѣтъ, сударыня! правда, это не шоколадъ, а кусокъ хлѣба, я взялъ было его съ собою для одной причины: когда бываю я посланъ къ Герцогу де ла Вера съ здоровьемъ, то всегда должно мнѣ брать съ собою кусокъ хлѣба, чтобъ собака у воротъ меня не съѣла.

Изабелла.

Это правда, Педро! богатые люди всегда боятся смерти. Ха, ха, ха, ха!

Педро.

Педро.

Я беру смѣлость, сударыня! вамъ напомнить, знатнымъ дамамъ не пригоже такъ хохотать.

Изабелла.

Благодарна, другъ мой Педро! за твое напоминаніе. Ха, ха, ха, ха!

Педро.

Полно, сударыня! право осудитъ васъ всякъ, естьли кто услышитъ, или увидитъ.

(*Хочетъ итти*)

Изабелла.

Постой на часъ, мнѣ еще тебѣ сказать нѣчто, Педро! для чего ты, имѣвъ такъ великой разумъ и столько проворства, употребилъ себя въ лакейскую службу? Ты можешь право во что другое употребленъ быть.

Педро.

Я не штудировалъ, сударыня! впрочемъ благодарю родителей моихъ за доброе воспитаніе, натура противъ меня довольно была щедра; и я бы не правъ былъ, ежели

ли бы иначе сказать хотѣлъ; однакожъ не знаете ли вы какого случая къ лучшему для меня, сударыня?

Изабелла.

Знаю: мнѣ кажется не льзя способнѣе тебя сыскать человѣка писать Календари; а это такое ремесло, которымъ очень хорошо и славно прожить можно.

Педро.

Я слыхалъ, сударыня! что тѣмъ, кто пишетъ Календари, гораздо лгать умѣть надобно.

Изабелла.

Да я никого не знаю, кто бы лучше твоего лгать умѣлъ, и въ вымыслахъ столько щастливъ былъ. И ежели бы ты сказалъ, что господа твои, дома сидя, горохъ, или кашу ѣдятъ, что и правда, и что ты вмѣсто конфектовъ ищешь прiятеля, у кого бы пообѣдать, то бы я тебѣ этого ремесла не совѣтовала.

Педро.

Педро.

Сущую правду сказать, мнѣ хотѣлось было очень нужду и бѣдность господъ моихъ сколько нибудь прикрыть и утаить, да кусокъ хлѣба теперь обличилъ.

Изабелла.

Нѣтъ, Педро! ливрея твоя давно всѣмъ доказываетъ, чему у васъ въ домѣ быть надлежитъ.

Педро.

Я боюсь, чтобъ платье самихъ господъ моихъ еще пуще не обличало; господинъ мой хотя и бархатной кафтанъ носитъ, однакожъ прочее ни мало къ тому не сходно; а госпожа вырѣзываетъ заднія полотнищи, и тѣмъ переднія починиваетъ, и для того при гостяхъ не изволитъ оборачиваться спиною къ людямъ; ежелижъ отъ кого прочь идетъ, то всегда задомъ; однакожъ не для учтивости, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, а конечно отъ глупой спѣси, чтобъ никто бѣдности ихъ не примѣтилъ, которая назади довольно ясно написана; а когда ей

по нуждѣ оборотиться должно, то уже я, или служанка засдонкою служимъ.

Изабелла.

Изъ всей этой нужды тотчасъ могли бы они свободиться, когда бы только, глупую свою спѣсь отложа, отдали дочь свою замужъ за Гонзала, которой въ нее очень влюбленъ.

Педро.

Я знаю, да они всегда очень гордо объ этомъ говорятъ; однакожъ можетъ быть теперь сколько нибудь спѣси-та и збавятъ, для того что недостатокъ сталъ больше; да можетъ быть и согласятся, ежели вы сами имъ о томъ поговорите; да вотъ идетъ служанка наша Леонора; вы лучше сдѣлаете, ежели съ нею о томъ поговорите, для того что она прехитрая дѣвка.

ЯВ-

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣжъ, и Леонора.

Леонора.

О бездѣльникъ, воръ! ты у меня хлѣбъ мой унесъ, что за трубою лежалъ.

Педро.

Какой хлѣбъ?

Леонора.

Смотри пожалуй, какъ онъ прикинулся; отдай скорѣе, мнѣ сего дня ѣсть нечего будетъ.

Педро.

Перестань, да одумайся лучше, что говоришь; за другое я не ручаюсь, а воромъ еще не бывалъ.

Леонора.

Ну полножъ, перестань врать, отдай мнѣ мой хлѣбъ.

Педро.

Я проклясться готовъ, что никакого хлѣба не бирывалъ.

Леонора.

Ежелибъ всѣмъ ворамъ клятвою отъ висѣлицы избавляться можно

 было,

было, то бы никто повѣшенъ не былъ.

Педро.

Я честь мою противъ этого ставлю.

Леонора.

А сколько въ тебѣ чести? ты вить ужъ много разъ приличенъ; да подай скорѣе хлѣбъ мой, мошенникъ!

(Вынимаетъ у него изъ кармана хлѣбъ, а онъ держитъ его, и такъ оба разломили по поламъ, и каждой свой кусокъ положилъ въ карманъ. Леонора увидѣла Изабеллу, сшибла руками и хочетъ вонъ бѣжать.)

Изабелла.

Слушай, Леонора! я имѣю съ тобою нужду поговорить.

Леонора.

Ахъ, сударыня! я сгорѣла отъ стыда.

Изабелла.

Дома ли господа твои, Леонора?

Леонора.

Дома сударыня! я хотѣла было шоколадъ для нихъ готовить, а этотъ бездѣльникъ Педро захватилъ

тилъ нѣсколько плитокъ шоколаду къ себѣ въ карманъ, такъ я у него теперь ихъ вынула.

Изабелла.

Щастливы господа ваши, что такихъ вѣрныхъ слугъ у себя имѣютъ, которые бѣдность ихъ такъ прикрывать и таить могутъ; однакожъ когда уже обстоятельства ихъ всему свѣту извѣстны, а къ томужъ и вы теперь себя обличили, то нечѣмъ уже то починить.

(Леонора плачетъ)

Не плачь, другъ мой! вамъ бѣднымъ еще помочь можно; ты можетъ быть знаешь, что братъ мой Гонзало въ барышню вашу влюбленъ.

Леонора.

Ахъ, сударыня! я очень это знаю, однакожъ не льзя про то говорить; я слышала, что госпожа наша тому удивлялась, что Гонзало взялъ такія высокія мысли, и отважился на дочь ихъ взоръ свой бросить и требовать съ ихъ столь знатнымъ домомъ въ союзъ

вступить. Донна Марія, сколько я примѣтила, довольно склонна къ нему будучи, выговорила было въ присутствіи своихъ родителей, что разнота не очень между вами велика, отъ чего они чрезвычайно разгнѣвались, и съ тѣхъ поръ стала она имъ подозрительна, и уже очень строго ее содержатъ.

Изабелла.

Это мнѣ очень пріятно слушать.

Леонора.

А мнѣ напротивъ того очень жаль, для того что это предорогое дитя. Ежели бы меня слёзы ея не удерживали, то бы я уже давно отъ нихъ отошла.

Изабелла.

Ты не поняла, что я сказала, Леонора! я говорю, что мнѣ пріятно слушать, что она склонна къ брату моему, и это обнадеживаетъ меня, что намѣреніе мое сдѣлаться можетъ; а ежели только ты мнѣ поможешь, за что конечно безъ награжденія не будешь.

Лео-

Леонора.

Я въ повелѣніяхъ вашихъ; и ежели обманы въ чемъ помочь могутъ, то я могу вамъ тѣмъ служить, сколько угодно; однако всего лучше, когда вы сами имъ поговорите, можетъ быть спѣсь ихъ сколько нибудь и убавится; ежели изволите черезъ полчаса ихъ посѣтить, то я доведу до того, что вы ихъ увидѣть можете.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣжъ, и Гонзало.

Изабелла.

Вотъ братъ мой, Леонора! онъ всю свою надежду на тебя полагаетъ, постарайся какъ нибудь въ любви его помочь.

Гонзало.

Будь увѣрена, другъ мой! что я конечно не премину тебѣ отслужить.

Леонора.

Государь мой! вы можете слабымъ умишкомъ моимъ повелѣвать.

Педро.

Педро.

А моею и головою всею.

Гонзало.

Да скажитежъ мнѣ, не худо ли это, ежели я за Донну Марію вашу свататься стану?

Леонора.

Вчерась этого дѣлать было не льзя, а сего дня авосьлибо можно будетъ.

Гонзало.

А для чегожъ не вчерась, а сего дня стало можно?

Леонора.

Для того, что вчерась было столько еще принасу, сколько къ обѣду потребно; и пока это есть, то всегда отказнаго отвѣту надѣяться должно. А сего дня у насъ ужъ ничего нѣтъ, чѣмъ бы пропитаться, кромѣ дѣлъ предковъ ихъ, и потому можетъ быть они сколько нибудь склонятся.

Педро.

Я думаю нигдѣ нѣтъ такихъ честныхъ мышей, какъ въ нашемъ домѣ; и я ручаюсь въ томъ, что хотя

хотя бы въ столовой горницѣ и вовсе дверей не затворять, то конечно всё цѣло будетъ, даромъ что нечего съѣсть.

Гонзало.

Истинно жалко слушать.

Леонора.

Этотъ одинъ только способъ, чѣмъ надежда есть ихъ усмирить; здѣсь также надобно какъ и при осадѣ крѣпости поступать, для того что когда другаго способу нѣтъ, то надобно голодомъ выморить.

Педро.

Леонора довольно знаетъ, какъ крѣпости берутъ; потому что она въ Голландской войнѣ въ походѣ сама была въ употребленiи.

Гонзало.

Ну добро, Педро! полно такъ язвительно шутить.

Леонора.

На его шутки не насердишься, у него и господамъ мало спуску живётъ.

Педро.

Педро.

Это правда; надобно вить какія нибудь вольности въ домѣ имѣть, гдѣ только изъ одного великодушія, а не изъ жалованья служишь. Я говорю имъ часто правду въ глаза, когда они одни дома, а при гостяхъ наблюдаю всегда почтеніе и должность.

Гонзало.

Да не бываетъ ли имъ когда то противно?

Педро.

О! нѣтъ, они всю себѣ въ честь приписываютъ; когда имъ ѣсть нечего, то сказываютъ они, что тотъ день хотятъ поститься, это благородно; буде воду вмѣсто вина пьютъ, то почитаютъ себя потомками отъ потопа, что въ то время кромѣ воды ничего не было; это также благородно; когда господинъ разодранные башмаки носитъ, то это нарочно будто отъ подагры, и это благородно; госпожѣ ежели за недостаткомъ платья въ церковь итти не льзя,

льзя, такъ она скажетъ, что дома молиться станетъ, для того что это благородно; а наконецъ ежели я имъ ни малой чести показывать не стану, то называютъ меня придворнымъ своимъ шутомъ, такъ это ужъ и всего благороднѣе.

Гонзало.

Постарайтесь же, чтобъ дѣло мое къ концу привесть, чѣмъ и вы всѣ щастливы быть можете.

Леонора.

О моемъ попеченіи сомнѣваться не извольте, а притомъ можете надѣяться на доброе начало, что сердце Донны Маріи на вашей сторонѣ.

Гонзало.

Да что въ томъ прибыли, когда они еще въ прежней гордости?

Леонора.

Надобно прежде сестрицѣ вашей о томъ имъ представить; а буде не удастся, то другаго способа искать станемъ; мы можемъ безъ всякаго опасенія надъ ними шутку сдѣ-

сдѣлать, потому что весь городъ ихъ ненавидитъ за несносную гордость; всякъ станетъ радоваться, ежели дочь ихъ такимъ образомъ замужъ выдана будетъ. Извольте итти, и успокойте свои мысли, а впрочемъ оставьте намъ стараться.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Леонора, Педро.

Леонора.

Педро! я не требую отъ тебя при этомъ дѣлѣ ничего инаго, кромѣ молчаливости.

Педро.

Да я могу и добрымъ совѣтомъ помочь.

Леонора.

А какой доброй совѣтъ можешь ты дать?

Педро.

Увидишь; вишь не льзя добраго совѣта изъ пазухи выдернуть, надобно время мнѣ подумать, да я ужъ почти и вздумалъ нѣчто.

Леонора.

Ну, а что такое ты вздумалъ?

Педро.

Педро.

Я ничего не вздумалъ, а думаю только объ одной вещи, а именно: когда мы любовниковъ нашихъ щастливыми сдѣлаемъ, то надобно будетъ намъ къ господину Гонзалу въ службу итти.

Леонора.

Всего лучше, ежели ты останешься при этомъ своемъ мнѣніи, а мнѣ о прочемъ стараться дашь волю; я ужъ буду думать, что надобно; а отъ тебя не требую ничего инаго, какъ только, чтобъ ты молчалъ, и не подалъ бы причины Гусману пажу нашему о томъ догадаться.

Педро.

Удивительно это, чтобъ женщины мущинамъ о молчаливости предписывали. Знаешь ли ты, что нѣкоторой Философъ о женщинахъ сказалъ? Вотъ на! на эту пору и не вспомнишь.

Леонора.

Онъ говоритъ, чтобъ эдакая тварь, какъ ты, за Философскія

книги, чего не разумѣешь, не хватался; а впрочемъ что бы онъ о женщинахъ ни вралъ, всё это плюнуть; сколькожъ я знаю, то лучшія мужскія тайности за рюмкою вина наружу выходятъ. И для того по моему мнѣнію не должно такого, кто пьянству подверженъ, въ важные чины употреблять, гдѣ молчаливость потребна; тайности однѣмъ женщинамъ ввѣривать должно, для того что онѣ пить не любятъ.

Педро.

Да! и то правда, что имъ нѣкоторыя тайности бываютъ ввѣрены. Ба! да вотъ Гусманъ идетъ, полно о томъ говорить.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣжъ, и Гусманъ.

Гусманъ.

Чортъ съ вами, вы здѣсь стоючи болтаете, а господа васъ ужъ трижды кликали. Леонора! когда бывало мнѣ захочется съ тобою слово молвить, тебѣ и времени нѣтъ,

а

а теперь вотъ съ этою подлою тварью хоть цѣлой часъ стоять да болтать такъ готова.

Педро.

Правда, что ты человѣкъ очень знатной, Гусманъ! это и по ливреѣ твоей видно.

Гусманъ.

Добро, ступай домой, да не ври.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, Донна Олимпія! не этотъ первой у насъ въ фамиліи былъ; я покажу тебѣ въ нашей родословной такого Калибрадоса, которой еще за 50 лѣтъ до Арапскаго въ Испанію прихода жилъ; мы гораздо благороднѣе, нежели ты думаешь.

Д. Олимпія.

Статноель дѣло, Донъ Ранудо! да покажи мнѣ это пожалуй.

Д. Ранудо (показываетъ ей книгу развернутую).

На вотъ смотри, вотъ этотъ Антоній де Калибрадосъ былъ витъ гораздо прежде.

Д. Олимпія.

Этого бы я за милліонъ не уступила; я думала, что замужствомъ сво-

своимъ нѣсколько унизилась. А свою фамилію могу я по пальцамъ разсказать отъ самаго Юліано де Мантерика даже до отца моего Ранудо Мелхіора де Монте Рекко.

Д. Ранудо.

Очень хорошо, Донна Олимпія! что ты такъ твердо помнишь; для того что это лучшее наше сокровище.

Педро.

Я думаю, милостивый государь! что это только одно и есть; а что въ домѣ ни сыщется, того врядъ всего наберешь ли, ежели въ оцѣнку придетъ. - - -

Д. Ранудо.

То даромъ, Педро! имя мое и реэстръ предковъ моихъ довольно для меня богатства. Когда я это читаю, и вижу дѣла предковъ моихъ: то я такъ сытъ, какъ бы на какомъ великомъ обѣдѣ былъ.

Педро.

Да! какъ я вижу, отъ чего вы и милэстивая государыня такъ мало

ло о кушаньѣ думать изволите; у кого дюжинъ пять шесть эдакихъ Калибрадосовъ въ желудкѣ, у того мало мѣста для другой пищи останется. Когда бывало услышу я, что у васъ въ брюхѣ ворчитъ: то думалъ, что это непремѣнно древніе Калибрадосы, потому что старинные герои и по смерти своей всегда воюютъ; напротивъ того когда у меня по брюху ворчитъ: то это знакъ, что ѣсть хочется; однакожъ мое совсѣмъ иное дѣло, потому что я самой подлой желудокъ имѣю; и для того должно мнѣ что нибудь да ѣсть, а безъ того я какъ вамъ, такъ и милостивой государынѣ больше служить не въ состояніи.

Д. Олимпія.

Ужасно истинно съ такими подлыми людьми; я думаю, что они изъ какой нибудь грубой матеріи сотворены, и не такія души имѣютъ, какъ мы благородныя; у нихъ только и въ мысляхъ, чтобъ чѣмъ нибудь брюхо наполнить. Скажите мнѣ

мнѣ Донъ Ранудо, можно ли эдакимъ подлымъ людямъ быть въ раю?

Д. Ранудо.

Да я думаю, что они нѣкоторымъ образомъ могутъ быть въ раю, да только не въ такомъ мѣстѣ, какъ мы; потому что сколь много разности между благородными и подлыми, такъ напротивъ того разность есть между подлыми и несмысленными скотами. Я не могу сказать, чтобъ имъ вовсе въ раю быть не можно было; однакожъ какъ они такихъ же глупыхъ мыслей, какъ и скоты: то не знаю, льзя ли имъ имѣть въ томъ надежду.

Педро.

Извольте посмотрѣть, милостивой государь! какова моя ливрея.

Д. Ранудо.

Да, это благородная ливрея.

Педро.

Не только благородная, да еще и свѣтлѣйшая ливрея; однако по ней видно, что у насъ только одно

но то есть, что васъ на томъ свѣтѣ утѣшить можетъ, а здѣсь со всею вашею свѣтлостію, кромѣ голоду да бѣдности, ничего нѣтъ.

Д. Олимпія.

Педро! тебѣ опомниться должно, кто ты, и съ кѣмъ говоришь. Мнѣ кажется, ты забылся.

Педро.

Смѣлость говорить одна только и есть милость, которую я здѣсь въ домѣ имѣю, милостивая государыня! а больше вить вы мнѣ ничего не жалуете; а ежели и вольность ту у меня отнять, то я смѣло сказать могу, что я изъ одного только великодушія служу. Будежъ вы то изволите мнѣ дать, что въ другихъ домахъ служители получаютъ: то стану и я наблюдать такоежъ почтеніе, какъ и прочіе лакеи своимъ господамъ дѣлаютъ.

Д. Рануdo.

Не замай его, Донна Олимпія! Короли и Князья сносятъ эдакія шутки отъ своихъ шутливыхъ людей,

дей, коихъ употребляютъ они для провожденія времени; намъ надобно также въ этомъ случаѣ показать, что мы благородные люди. Пожалуй говори, Педро! всю, что ты хочешь, когда мы одни, лишь только при посторонниххъ наблюдай почтеніе.

Педро.

Честь и знатность вашего высокородія кажется мнѣ на семъ свѣтѣ деревомъ, на которомъ лишь только худые плоды растутъ, да еще и разные; на нѣкоторыхъ сучьяхъ растетъ спѣсь, или гордость, на другихъ опять голодъ и холодъ, а на томъ свѣтѣ особливо что нибудь иное будетъ.

Д. Ранудо.

Ты очень простъ, Педро! такіе благородные люди, какъ мы, не бѣдны; они называются вить riccos hombres, то есть богатые люди.

Педро.

Правда, что они называются богатыми людьми, такъ какъ и лицемѣры Божіими слугами; потому

 что

что лицемѣры столь праведны и богобоязливы, сколь тѣ богаты. Слыть богатымъ вить только лишь по имени; а кто по имени богатъ, тому дѣйствительно богатымъ быть никакъ не льзя.

Д. Ранудо.

О чемъ ты думаешь, Донна Олимпія! ты нѣчто въ глубокихъ мысляхъ?

Д. Олимпія.

Я думаю, отъ чего это сдѣлалось, что вчерась ни одинъ Стихотворецъ не приходилъ къ намъ поздравить съ именинами.

Педро.

Ха, ха, ха! вы нашихъ Стихотворцевъ хорошенько знать не изволите, милостивая государыня! конечно въ домъ вашъ ни одинъ изъ нихъ больше не заглянетъ; для того что уже здѣсь нѣтъ того магнита, которой это желѣзо притягиваетъ. Ежели вы изволите и весь свой титулъ и всю родословную надъ воротами большими литерами приказать написать, а сосѣдъ

сѣдъ нашъ портной поставитъ хоть одно блюдо жаренаго, или пирогъ у себя передъ воротами: то тотчасъ увидите, которой магнитъ сильнѣе будетъ. Я знаю всѣхъ Поэтовъ здѣсь въ городѣ; и ежели бы я одного только изъ нихъ обѣдать позвалъ, то бы онъ сдѣлалъ мнѣ родословную, въ которой довелъ бы, что я произхожденіе мое отъ Царя Саула имѣю; всю то утвердилъ бы стихами своими, что я гораздо благороднѣе, нежели ваше высокородіе.

Д. Олимпія.

Смѣшно право мнѣ надъ тобою, Педро! великая бы это была честь, что Стихотворецъ тебѣ напишетъ, и отъ Царя Саула родъ твой поведетъ; вить бы тѣмъ онъ сдѣлалъ тебя Жидовиномъ.

Педро.

Какъ бы да не такъ! развѣ Царь Саулъ Жидъ былъ? я Царя Саула довольно знаю, какъ бы вы ни изволили думать, хотя я и не ученъ. А что до Стихотворцевъ

над-

надлежитъ, то не спрашиваютъ они, кому похвалы пишутъ, достоинъ ли онъ того, или нѣтъ, да смотрятъ лишь только, хорошо ли за то платятъ. Какъ скоро увидятъ они деньги, то поведу́тъ ихъ не знаю какой-то духъ на самую верьхушку Аполла, или Геликона, какъ они то называютъ, и тамъ заразятся тотчасъ нѣкакимъ стихотворческимъ духомъ, такъ что и сзади и спереди у нихъ стихи валятся; а буде не видятъ денегъ, то не видятъ они и добродѣтелей, или похвальныхъ дѣлъ ни на волосъ, и во семъ тѣлѣ у нихъ ни одной риѳмы не найдешь, хоть разрѣзавши всю внутреннюю перещи. Это мнѣ можно знать, потому что я самъ нѣкоторымъ образомъ Стихотворецъ; я могу больше шести человѣкъ Поэтовъ въ родѣ своемъ счесть, кои всѣ такіежъ бездѣльники были.

Д. Ранудо.

По этому ты еще не можешь назваться Стихотворцемъ, когда лишъ

лишъ только въ родѣ твоемъ ихъ нѣсколько было, а самъ не Стихотворецъ.

Педро.

Конечно можно; такъ по этому и вы не благородные люди, хотя въ своей фамиліи и много великихъ людей счесть можете; и когда тотъ только Стихотворцемъ назваться долженъ, кто самъ стихи дѣлаетъ, то должны и благородными тѣ называться, кто самъ великія и славныя дѣла дѣлалъ.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, Педро! благородность по природѣ приходитъ.

Педро.

И Поэзія также; вить говорятъ, что и Поэты родятся.

Д. Ранудо.

То такъ, однакожъ совсѣмъ инакимъ образомъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣжъ, и Леонора.

Леонора.

Изабелла, Гонзалова сестра, желаетъ ваше высокородіе видѣть.

Д. Олимпія.

Проси, чтобъ она пожаловала на часокъ въ другой горницѣ подождала, чтобъ намъ нѣсколько убраться, и пристойнымъ образомъ дать ей себя видѣть, а между тѣмъ подай мнѣ на голову уборъ поскорѣе да зеркало.

Д. Ранудо.

Принеси мнѣ бархатной мой кафтанъ, Педро!

Педро.

Да, къ изодраннымъ-та чулкамъ это очень пристанетъ.

Д. Ранудо.

Развѣ видны дыры на чулкахъ-то?

Педро.

Нѣтъ, только съ пять шесть.

Д.

Д. Ранудо.

Возьми не множко чернилъ, Педро! да замажь дыры-та, такъ и не будетъ видно.

Педро.

Я опасе́нъ, милостивый государь! что и цѣлой чернилицы не достанетъ; для того что дыръ-та очень много.

Д. Ранудо.

Поди, да сдѣлай, что я тебѣ приказываю.

(Педро, взявъ чернилицу, и мараетъ пальцомъ чулки.)

Педро.

Да башмаки-та не прикажете ль помарать, вить и на нихъ оче́нь много худаго видно?

Д. Ранудо.

Нѣтъ, это дурно будетъ; я могу сказать, что нарочно башмаки изодраны для подагры.

Педро.

Да изъ кафтана позади вырѣзано знать на заплаты, такъ вить

не

не льзя сказать будетъ, что будто это отъ куричьей слѣпоты.

Д. Ранудо.

Люблю я иногда твои шутки, Педро! а иногда мнѣ ужъ и досадно; однакожъ нѣтъ ничего, лишь только при посторонних наблюдай почтеніе. А о кафтанѣ не тужи; я ужъ сдѣлаю такъ, что у меня никто спины не увидитъ.

Педро.

Мнѣ кажется, лучше бы было, ежели бы мы этотъ полубархатной кафтанъ продали, а на тѣ деньги цѣлое платье суконное достали.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, Педро! по полубархатному кафтану видно, что я высокое сердце и благородную душу имѣю, хотя и не богатъ; напротивъ того ежели бы я въ простомъ суконномъ платьѣ ходилъ, то стали бы люди меня за простаго мѣщанина почитать, и либъ подумали, что я не имѣю доброй души; и для того ношу я хотя не богатое, однакожъ

благо-

благородное платье. Одѣлась ли ты, Донна Олимпія?

Д. Олимпія (*нарядясь*).

Совсѣмъ готова, Донъ Ранудо!

Д. Ранудо.

Ты такъ разрядилась, что иной и кокеткою тебя назоветъ.

Педро.

Однакожъ назади-то богадѣльныя наша очень видна.

Д. Олимпія (*Леонорѣ*).

Проси сюда госпожу Изабеллу.

(*Леонора выходитъ вонъ ввести Изабеллу, а Педро становится за стуломъ у Донъ Рануда въ большихъ очкахъ по Португальскому манеру.*)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Д. Ранудо, Д. Олимпія, Изабелла и Педро.

(*Донна Олимпія сидитъ въ креслахъ въ превеликомъ Испанскомъ грандецѣ, и ковыряетъ въ зубахъ. Донъ Ранудо тожъ дѣлаетъ. При вхо-*

дъ Изабеллы приподнялись немного, пока ей стулъ подавали, однакожъ садятся опять прежде ее. Педро превеликимъ опахаломъ обмахиваетъ ихъ.)

Изабелла.

Сто милліоновъ разъ прошу о прощеніи, что я отважилась принять смѣлость васъ, милостивая государыня, сего дня отяготить моимъ визитомъ.

Д. Олимпія.

Вы намъ не въ тягость, сударыня! мы привыкли ужъ всякой день отъ утра до вечера визиты принимать; я думаю, что мы сего дня больше осьми знатныхъ визитовъ имѣли. Не можетель вы, Донъ Ранудо, вспомнить, кто такіе сего дня у насъ были?

Д. Ранудо.

Никакъ не льзя; въ нашемъ домѣ столько пріѣзду, какъ во дворцѣ. Педро! не можешь ли ты пересказать, кто намъ сего дня визитъ сдѣлалъ?

Педро

Педро (*оправляетъ очки свои, и читаетъ въ записной книжкѣ*).

Здѣсь были сего дня Конде Яшо де Монше Дора, Маркизъ Фердинандо де Леонигро съ Маркизсю своею супругою, Донъ Себастіанъ де Брокель Доро, и Герцогъ де ла Казасъ съ Герцогинею, а послѣ Маркизъ Фердинандо Гонзало Филиппо Карлосъ Яго Сабастіано Мануель Арифехтецъ съ супругою. (*Тихо смотрителямъ.*) У послѣдняго-та знать не одинъ отецъ былъ, для того что очень много у него именъ.

Д. Олимпія.

Вотъ слышите, сударыня! сколько мы сего дня визитовъ имѣли. Вы не прогнѣвайтесь на меня, что я сидя въ зубахъ чищу, мы вотъ теперь лишь только каплуна ѣли, и это мясо всегда зубамъ моимъ дѣлаетъ тягость.

Изабелла.

Милостивая государыня! вы можете вольность вашу всегда упо-

треблять; я сего дня имѣю честь вамъ поклонъ мой отдать по прозьбѣ одного человѣка, которой просилъ меня, чтобъ я изходатайствовала ему благосклонность вашего высокородія.

Д. Олимпія.

Мы оба почитаемъ то себѣ за удовольствіе, чтобъ всѣмъ честнымъ людямъ чѣмъ нибудь служить; можетъ быть намѣренъ онъ въ Мадритъ ѣхать, и хочетъ рекомендаціи отъ насъ къ кому нибудь. А кто этотъ человѣкъ, о которомъ вы говорите?

Изабелла.

Это братъ мой Гонзало; онъ имѣетъ великую любовь къ дочери вашей, и желаетъ на ней жениться.

Донна Олимпія.

Я и мужъ мой, сударыня! имѣемъ къ вамъ и къ брату вашему столько почтенія, сколько состояніе наше допуститъ; однакожъ. . .

Иза-

Изабелла.

Я очень знаю, что вы говорить изволите, милостивая государыня! ваша фамилія старѣе нашей, и эта неравность не допускает вас к тому; однакож не может ли тѣм сравняться, когда мы достаток свой против вашего поставим.

Д. Олимпія.

О сударыня! нам все не о пожитках слово; я снесу лучше крайнюю бѣдность, нежели допустить себя до того, чтобы фамиліи нашей в позор, или в нареканіе было. Я покажу вам нашу родословную, то и увидите, сколь дѣло это не возможно. Я как теперь помню послѣднія слова покойнаго родителя моего: „Я не оставляю тебѣ достатку, дочь! говорил он; од„нако много чести, и высокую „природу. Бойся Бога, помни пред„ков, и умри лучше в дѣвках в „бѣдности, нежели сдѣлай какое „поношеніе нашей фамиліи.„ С сими словами он скончался.

Изабелла.

Это самое Христіянское наставленіе дочери своей совѣтовать, какъ должно спѣсивой быть, да еще и при самомъ концѣ жизни своей.

Д. Олимпія.

Нѣтъ, сударыня! онъ мнѣ не гордость, а благородную амбицію имѣть совѣтовалъ, и я по совѣту его и поступила, вышла замужъ въ самую знатнѣйшую фамилію.

Изабелла.

Извольтежъ разсудить, ваше высокородіе, сколь жалко это, когда благородные люди не имѣютъ столько достатку, чѣмъ бы по достоинству своему себя содержать, и кромѣ того, что отъ бѣдности терпятъ великую нужду, да еще и въ посмѣяніи у всѣхъ!

Д. Олимпія

Повѣрьте мнѣ, сударыня! что я ни одной литеры изъ своей родословной за лучшую вотчину не отдамъ.

Д. Ранудо.

Вотъ прямо по геройски сказано, Донна Олимпія! это должно золоты-

лотыми литерами написано быть: „ я ни одной литеры за лучшую вотчину не отдамъ. „

(Педро повторяетъ сказанное, и записываетъ въ свою книжку.)

Изабелла.

Да дочь ваша тѣмъ ничего благородства не потеряетъ.

Д. Ранудо.

О сударыня! намъ больше объ этомъ знать должно. Вить весь свѣтъ знаетъ, какая великая разность между фамиліями вашею и нашею.

Изабелла.

Однакожъ вить многія черезъ женидьбу съ нашею фамиліею посвоились.

Д Ранудо.

Хотя бы весь свѣтъ то дѣлалъ, да не Донъ Ранудо де Калибрадосъ.

(Педро повторяя, пишетъ въ книжку Донъ Ранудовы слова.)

Изабелла.

Я довольно знаю, что многіе народы нашу Испанскую націю за гордость презираютъ.

Д. Ранудо.

Не говорите этого, сударыня! есть націи, въ которыхъ знатныя фамиліи еще больше амбиціи имѣютъ. Въ Индіи есть люди, которые называются Наиромъ, они всегда умываютъ руки, ежели до кого другаго дотронутся; и когда имъ куда итти надобно, то прежде публикуютъ, чтобъ никто къ нимъ близко не подходилъ.

Изабелла.

Вотъ самые таковскіе люди, что только въ примѣръ ставить; я вижу, что напрасно прилагаю я мое старанiе, вреда мнѣ въ томъ не много, ежели и отказной отвѣтъ получу; да сожалѣю больше о вашемъ худомъ состояніи и бѣдности, въ чемъ вамъ, какъ я вижу, для гордости вашей тяжело помочь.

Д. Олимпія.

Перестаньте, сударыня! попреками своими досаждать; кто отваживается на это, тому конечно худо быть можетъ. Это одна только напраслина, и отъ злости про

насъ

насъ говорятъ, будто мы бѣдны; витъ еще тотъ не вовсе бѣденъ, у кого наличныхъ денегъ въ домѣ нѣтъ. Очень часто бываетъ это, когда отданы всѣ деньги вдругъ въ проценты, а самому случится нужда, то иногда и занять придетъ надобно. Повѣрьте, сударыня! что мы не бѣдны, лихіе люди только это про насъ говорятъ.

Изабелла.

Я не попрекаю никому бѣдностію, а для того только сюда пришла, чтобъ сдѣлать вамъ такое предложеніе, отъ котораго отказать вамъ, кажется, мнѣ всѣ обстоятельства запрещаютъ.

Д. Олимпія.

Мы состояніемъ своимъ очень довольны.

Изабелла.

Когда вы довольны своимъ состояніемъ, такъ мнѣ нечего больше говорить; однакожъ я совѣтую вамъ лучше одуматься; когда придутъ должники, въ чемъ я и увѣрена, и отнимутъ всю послѣднее,

 такъ

такъ не будетъ ли вамъ то досадно, а притомъ и отъ людей не безъ стыда, что въ столь полезномъ себѣ отказали?

Д. Олимпія.

Какъ бы украшены рѣчи ваши ни были, сударыня! и сколь полезно вамъ всю ваше намѣреніе для насъ ни кажется; однакожъ не можете вы ни меня, ни мужа моего къ тому уговорить.

Д. Ранудо (съ усмѣшкою).

Нѣтъ, сударыня! повѣрьте мнѣ, что это дѣло совсѣмъ не кстати.

Изабелла.

Жаль мнѣ очень, что я эту коммисію на себя взяла.

Д. Олимпія.

Мы право на васъ за это не досадуемъ; вы не виноваты, что для брата старались; да и на него пѣнять не льзя, потому что любовь приводитъ человѣка къ великой дерзости; однакожъ, какъ сказано, дѣло это такое, которому совсѣмъ не возможно статься.

Иза-

Изабелла.

Такъ я прошу прощенія. *(встаетъ).*

Д. Ранудо.

Слуга вашъ, сударыня! ежели мы чѣмъ вамъ служить можемъ, прошу приказать; а что до требованія вашего надлежитъ, то вы разсудя, сами увидите, что совсѣмъ не кстати.

(Изабелла отходитъ, а они немного приподнялись въ креслахъ. Леонора провожаетъ ее до дверей.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Леонора, Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

Леонора.

Госпожа Изабелла приказала вашему высокородію покорнѣйшій поклонъ отдать, и приказала просить, чтобъ этотъ кошелекъ съ деньгами благосклонно принять изволили; я было и взять его не хотѣла, однакожъ она мнѣ насильно въ руку положила.

Д. Олимпія.

Эта каналія думаетъ развѣ, что мы нищіе? поди тотчасъ, и брось ей назадъ въ глаза; за это непремѣнно должна она наказана быть. Слыханаяль это дерзость? подлая баба хочетъ милостыню давать той, у которой прабабушка отказала замужъ итти за Донъ Алфонза Дерибера.

(Леонора бѣжитъ вонъ съ кошелькомъ, и пришла опять. Педро притворился сердитымъ и Леонора, и говорятъ попеременкамъ съ господами.)

Педро (тихо смотрителямъ).

И которая праправнучкѣ своей въ наслѣдство оставила два превеликихъ сундука полные одинъ гордости, а другой бѣдности.

Д. Ранудо.

Она хочетъ милостыню давать Калибрадосу, котораго предки столь великія государству услуги дѣлывали.

Педро (тихо).

А потомки его цѣлой день сидя въ зубахъ ковыряютъ.

Д.

Д. Олимпія.

Чьи предки нищимъ милостыню ничѣмъ инымъ, какъ золотомъ и дорогими каменьями давали.

Леонора (*тихо*).

А потомки ничего не даютъ, для того что и самимъ ѣсть нечего.

Д. Ранудо.

Чьи предки храбростію и великими своими дѣлами въ великую знатность вошли.

Пезро (*тихо*).

А потомки за ихъ глупую спѣсь изъ числа фамиліи ихъ выкинуты быть должны.

Д. Ранудо.

Кто по прямой линіи произходитъ отъ Дона Просперо де Калибрадоса, которой на баталіи при Бургосѣ четыре ста Арабовъ своею рукою побилъ.

Педро. (*тихо*).

А потомство славнаго Калибрадоса всякой день сотъ по пяти животныхъ ногтями своими побиваетъ.

Д.

Д. Олимпія.

Что бы сказалъ прапрадѣдъ мой Донъ Юліяно де Монте Рико, когда бы онъ теперь всталъ изъ гроба, и это увидѣлъ?

Леонора (тихо).

Онъ сказалъ бы: возьми деньги-то, дурища! да купи себѣ какой нибудь лоскутъ, и сдѣлай вставку назади въ юбкѣ.

Д. Ранудо.

Что бы на это сказалъ Донъ Антоніо де Калибрадосъ, ежели бы онъ всталъ изъ мертвыхъ?

Педро (тихо).

Онъ сказалъ бы: дуракъ! отложи свою спѣсь, да поди работай, чтобъ башмаки было за что купить.

Д. Олимпія.

Что сказала бы Донна Антонида моя сродственница, которая отреклась принять десять тысячь червонныхъ отъ Двора за службу мужа ея?

Леонора (тихо).

Она бы сказала: я де отъ великодушія это сдѣлала для того, что

я и безъ того богата была; а ты достойна въ тюрьму посажена быть за то, что презираешь честныхъ людей подарки, и хочешь лучше съ голоду умереть.

Д. Ранудо.

Что бы сказалъ Донъ Гусманъ де Калибрадосъ, которой сто тысячь червонныхъ на строеніе трехъ пирамидъ употребилъ?

Педро (тихо).

Онъ сказалъ бы: возможноель это дѣло, что такой скаредъ въ фамиліи нашей родился, которой лѣностію своею и нерадѣніемъ до такой крайней бѣдности себя довелъ.

Д. Ранудо.

Однакожъ можетъ быть она и съ простоты это сдѣлала, и эдакіе люди кажутся передъ нами крестьянами; ежелибъ я зналъ, что она это изъ ругательства сдѣлала, то бы я весь родъ ихъ искоренилъ, полно она точно съ простоты сдѣлала, и для того надобно мнѣ лишь только смѣяться. Не смѣшно ли это, Педро?

Педро.

Педро.

Правда, что смѣшно это; однакожъ я увѣряю васъ, что сколь ни бѣденъ я, а отважился подаренной мнѣ не давно червонной отъ сожалѣнія вашему высокородію отдать, что вы и приняли. Удивительно, правду сказать, и то, что ваше высокородіе за то осердились, что вамъ изъ Христіянской любви помочь хотѣли.

Д. Олимпія.

Донъ Ранудо! не льзя намъ больше этого нечестивца въ домѣ своемъ имѣть, для того что его шутки очень вредны.

Педро.

Повѣрьте, милостивая государыня, что мнѣ не можетъ быть больше угожденія, какъ то, что вы меня съ двора сошлете; для того что я служу здѣсь вить только изъ одной учтивости.

Д. Ранудо.

Слушай, Донна Олимпія! я говорилъ вить тебѣ, что намъ необходимо шутливаго человѣка въ домѣ

у себя имѣть надобно; во всѣхъ своихъ шуткахъ онъ говоритъ правду, онъ правъ въ томъ, а вы за свою оплошность осужденія достойны, что не послали къ купцу взять на имя мое какой нибудь парчи себѣ на платье. Слушай, Педро! когда къ слову теперь стало, сходи ты къ купцу Жуану, и возьми у него на мое имя штофу госпожѣ на платье.

Педро.

Слушаю, государь! авосьлибо купецъ сего дня другаго мнѣнія, нежели вчерась былъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донна Марія, Леонора.

Д. Марія.

Гордость родителей моихъ, Леонора! и бѣдность наша чрезвычайна. Приходитъ щастіе, а они отъ одной спѣси его презираютъ, и хотятъ лучше по міру ходить. Пускай бы уже кто подлой хотѣлъ на мнѣ жениться, такъ бы и неудивительно было, что ему отказываютъ; а то Дворянинъ, да еще и довольно знатной, а ктомужъ богатъ, и очень добрыхъ свойствъ.

Леонора.

Вамъ грѣхъ будетъ, ежели вы въ этомъ дѣлѣ по волѣ родителей своихъ поступите; для того что они не любочестны, а больше безумны.

Д.

Д. Марія.

Любовь твоя довольно меня увѣряетъ, что ты всю для меня сдѣлать не откажешь, что въ твоей силѣ, и для того я хочу совѣтамъ твоимъ слѣдовать. (*Плачетъ.*)

Леонора.

Не плачьте, сударыня! мы ужъ сыщемъ способъ какой нибудь; нѣтъ такой крѣпкой стѣны, которой бы я не разломала; ни замка, къ которому бы у меня ключа не было; изволь смѣло на меня надѣяться, всю будетъ изрядно. Я ужъ съ Гонзаловою сестрою обо всемъ переговорила, и думаю, что намъ удастся; а буде не такъ, то и увезтъ васъ не диковинка. Ба! да вотъ они идутъ, пойдемъ на часъ вонъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

Д. Ранудо.

Ну, Педро! что сказалъ купецъ?

Педро.

Онъ напрямки мнѣ сказалъ : поклонись своимъ господамъ обманщикамъ, и скажи имъ, чтобъ они старые долги напередъ заплатили. Съ купцами нынѣ дурна шутка; когда имъ что нибудь долженъ и къ нимъ придешь, то всегда у нихъ эдакое потчиванiе.

Д. Ранудо.

Есть ли у тебя свидѣтели, что онъ это говорилъ?

Педро.

Да то-то и бѣда, что онъ не говорилъ, а такъ какъ Турки въ Константинополѣ дѣлаютъ, знаками мнѣ то показалъ. Далъ мнѣ двѣ пощочины, сперва по этой щекѣ, которое вмѣсто того, чтобъ сказалъ поклонись своимъ господамъ; а послѣ вотъ по этой, это значитъ обманщикамъ; а по томъ схватилъ съ меня шляпу, то есть заплати старой долгъ; а наконецъ изъ лавки выбилъ, которое, я думаю, значитъ то, что ежели господа твои долгъ добровольно не заплатятъ,

то

то я судомъ искать буду. Я самъ хоть и не умѣю эдакими знаками говорить; однакожъ когда люди ихъ употребляютъ, такъ я могу совершенно то разумѣть.

Д. Олимпія.

Куда какой бездѣльникъ! да полно много такихъ глупыхъ и несмысленныхъ людей здѣсь въ городѣ; они ни малѣйшаго почтенія къ благороднымъ людямъ не имѣютъ.

Педро.

Это правда, ваше высокородіе! имъ бы должно было то за честь себѣ почитать, чтобъ отъ такихъ знатныхъ господъ быть обманутыми.

Д. Ранудо.

Ну добро, Педро! перестань пожалуй, поди на часъ вонъ, я хочу одинъ съ женою остаться.

(*Педро отходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Донъ Ранудо и Донна Олимпія.

Д. Ранудо.

Донна Олимпія! что станемъ мы сего дня ѣсть?

Д. Олимпія.

То, что вчерась, да и всегда ѣли. Первое кушанье будетъ горохъ, другое горохъ будетъ, а третье хошь горохъ же поставить можемъ.

Д. Ранудо.

Да намъ не льзя долго эдакъ прожить будетъ; я уже въ такую пришелъ слабость, что насилу на ногахъ стоять могу.

Д. Олимпія.

Ахъ! ежели бы и мнѣ не стыдно было работать, то бы я могла сколько нибудь на пропитаніе себѣ достать своими руками; голодъ намъ несносенъ становится.

Д. Ранудо.

Бѣдной крестьянинъ теперь сидитъ у насъ передъ воротами, и ѣстъ съ великимъ аппетитомъ; онъ въ этомъ случаѣ счастливѣе насъ.

Д. Олимпія.

Щастливѣе насъ онъ быть не можетъ; потому что какъ бы онъ щастливъ ни былъ, однако вс҇ю таки онъ не больше какъ крестьянинъ. Жаль же мнѣ его бѣднаго, что онъ принужденъ на дворѣ сидя ѣсть.

Д. Ранудо.

А что хуже, на дворѣ ли сидя ѣсть, или въ горницѣ голодну быть?

Д. Олимпія.

В҇ю дурно; хотя подлымъ только прилично, однакожъ сколько нибудь питаетъ; а другое благороднѣе, да не питаетъ.

Д Ранудо.

Позовемъ бѣднаго мужичка сюды, чтобъ онъ здѣсь сидя пообѣдалъ покойнѣе, а на дворѣ мучатъ его вѣтръ и солнце, мухи, люди и собаки.

Д. Олимпія.

Изрядно, позови его; лучше хочу крестьянина въ домѣ своемъ видѣть, нежели незнатнаго Дворянина;

на; для того что крестьянинъ почтетъ себѣ то за милость нашу, а Дворянинъ думать станетъ, что ему и всегда можно съ нами мѣстничаться.

(Д. Ранудо вышедъ, вводитъ крестьянина.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Крестьянинъ.

Д. Ранудо.

Слушай, мужичокъ! поди сюда съ своею сумкою!

Крестьянинъ.

Я не достоинъ, милостивой государь, въ эдакой домъ вступить.

Д. Ранудо.

Мы всѣ люди; мнѣ жалко было видѣть то, что ты на дворѣ сидя обѣдаешъ. Сядь вотъ здѣсь на стулъ, такъ лучше можешъ кусокъ твой съѣсть.

Крестьянинъ.

Благодаренъ, милостивой государь.

Д. Ранудо.

Откуда ты?

Крестьянинъ.

За четыре мили отсюда.

Д. Ранудо.

За чемъ ты сюда въ городъ сего дня приходилъ?

Крестьянинъ.

Приносилъ цыплятъ на рынокъ, да продалъ.

Д. Ранудо.

Ежели у тебя есть хорошіе жирные каплуны, такъ приноси ихъ впередъ къ намъ.

Крестьянинъ.

А цыплятъ не изволите?

Д. Ранудо.

Нѣтъ. Къ цыплятамъ мы не охотники, мы любимъ больше каплуновъ, да дичину, а другаго ничего не ѣдимъ.

Крестьянинъ.

Это мнѣ очень видно; потому что какъ вы, такъ и сожительница ваша гораздо въ себѣ сухи.

(*Потираютъ себя оба по лицу*).

Д. Ранудо.

Скажи мнѣ, другъ мой, какъ тебя зовутъ?

Крестьянинъ.

Меня зовутъ Жуанъ.

Д. Ранудо.

Въ томъ ли домѣ живешь ты, гдѣ отецъ твой жилъ?

Крестьянинъ.

Въ томъ же.

Д. Ранудо.

Какъ звали отца твоего?

Крестьянинъ.

Я право не помню, какъ его звали.

Д. Ранудо.

Это ужасно, не помнить какъ отца звали; это лучшее удовольствіе на свѣтѣ, чтобъ знать, какъ звали предковъ своихъ, и отъ кого кто родился.

Крестьянинъ.

У насъ въ деревняхъ за удовольствіе ставятъ то, чтобъ видѣть, хорошо ли земля вспахана, и родится ли хлѣбъ, чѣмъ бы прожить было, и чтобъ жены наши

чаще

чаще дѣтей родили, а дѣти бы скорѣе росли, и намъ въ работѣ пособляли.

Д. Рянудо.

То изрядно; а мы знатные люди почитаемъ себѣ за великую тягость, у кого дѣтей много; для того что больше дѣтей, больше расходу.

Крестьянинъ.

А у насъ напротивъ говорится: что больше дѣтей, то больше и приходу; что больше Дворянъ, то больше тунеядцовъ; а что больше крестьянъ, то больше работниковъ.

Д. Рянудо.

Это правда, ты говоришь по Философски. Сколькихъ лѣтъ ты будучи женился?

Крестьянинъ.

Осьмнатцати лѣтъ.

Д. Рянудо.

Это нѣсколько раненько; мы знатные люди такъ молоди не женимся, у насъ всегда ждутъ лѣтъ до сорока, или до пятидесяти,

чтобъ

чтобЪ быть вЪ состояніи такЪ славно жить, какЪ предки наши живали.

КрестьянинЪ.

А мы женимся, какЪ придемЪ вЪ состояніе умножать свѣтЪ, для того жены и дѣти намЪ не вЪ тягость. Что больше рукЪ вЪ домѣ, то больше работниковЪ; а когда много работниковЪ, то много и пожитку вЪ домѣ.

Д. Ранудо.

ОнЪ говоритЪ очень разумно, Донна Олимпія! крестьянство вЪ этомЪ случаѣ щастливо. Да я думаю отЪ того-то крестьянскія дѣти здоровы и крѣпче нашихЪ дѣтей, потому что они вЪ лучшей порѣ родителей ихЪ воспитаны бываютЪ.

КрестьянинЪ.

Не прогнѣвайся, милостивой государь! я думаю, что между нашею братьею меньше людей сЪ рогами бываетЪ, нежели между господами; для того что знатные господа хотя ждутЪ, пока вЪ 50 лѣтЪ придутЪ, чтобЪ быть вЪ состояніи

довольствовать своихъ домашнихъ, а о женѣ думаютъ очень мало; и потому разсуждать надобно, что госпожи одною только пищею довольствоваться должны, которая у насъ въ деревняхъ за невѣроятное почитается.

Д. Рануда.

Ха, ха, ха! какъ же весело слушать крестьянскія разсужденія! удивляюсь только очень, что ты чорной хлѣбъ одинъ съ такимъ аппетитомъ ѣсть можешь.

Крестьянинъ.

О! этотъ сыръ, да хлѣбъ мнѣ гораздо вкуснѣе, нежели господское кушанье лучшее; что можно, то столь вкусно для того, что желудокъ крестьянской къ этому привыкъ.

Д. Рануда.

Надобно намъ всё въ свѣтѣ испытать: дай-ка для куріозности сыра-та отвѣдать, авосьлибо я могу кусочикъ съѣсть.

Д. Олимпія.

Ахъ, Донъ Ранудо! я думаю никакъ не льзя.

Крестьянинъ.

Извольте отвѣдать, сударь!

Д. Ранудо.

Давай для одной только куріозности. Ба! да вкусъ право не очень дуренъ.

Крестьянинъ.

Не изволитель и вы, сударыня! кусокъ скушать?

Д. Олимпія.

Давай - - - Право изрядной вкусъ. Я еще эдакъ и хорошенькой кусокъ съѣсть могу.

Д. Ранудо.

Ха, ха, ха! я право и еще кусокъ съѣмъ. Превеликая диковинка; я никогда не думалъ, чтобъ это сдѣлать могъ. Будетъ что и внучатамъ своимъ мнѣ разсказать. Отрѣжь-ка еще побольше кусокъ, Жуанъ! да дай и хлѣба-та своего хорошій ломтикъ.

(Жуанъ имъ отрѣзалъ сыру и хлѣба, они ѣдятъ оба очень жадно.)

Д.

Д. Олимпія.

Первая исторія у меня будетъ, какъ я къ двору пріѣду, что мы съ крестьяниномъ сыръ и хлѣбъ ѣли.

Д. Ранудо.

Ха, ха, ха! дай-ка еще кусокъ, Жуанъ! я право до тѣхъ поръ стану ѣсть, пока хочется.

Крестьянинъ.

Я не знаю, сударь! можетъ ли сыръ мой то снести, ежели я еще отрѣжу.

Д. Ранудо.

Ха, ха, ха!

(Взявъ самъ сыръ, и отрѣзалъ половину).

На смотри, Жуанъ! видишь, что ни я, ни жена моя крестьянской пищи не презираемъ.

(Крестьянинъ спряталъ всё въ мѣшокъ, и чешетъ голову.)

Д. Олимпія.

Дай мнѣ еще кусокъ, я погляжу, не можетъ ли дочь моя этого суроваго кушанья съѣсть. Ха, ха, ха! право это очень мудрено.

Кре-

Крестьянинъ.

Послѣдняго куска, что его высокородіе отрѣзать изволилъ, довольно будетъ не только всѣмъ отвѣдать, да и до сыта наѣсться можно.

Д. Ранудо.

Ежели опять въ городъ будешь, то смѣло къ намъ приходи.

Крестьянинъ.

Благодарствую ваше высокородіе. (*тихо*) Таковъ глупъ ужъ не буду, и сумки съ собою не принесу.

Д. Ранудо.

Какъ придешь домой, Жуанъ! то думаю я, что ты милостію нашею хвалиться станешь.

Крестьянинъ.

И вѣдомо, а особливо ежели по милости своей за сыръ и за хлѣбъ мой заплатить изволите. Сказать правду, я съ собою только и взялъ было на дорогу, что изволили видѣть, а теперь и домой дойти не съ чемъ.

Д. Ранудо.

Что намъ дать ему бѣдному, Донна Олимпія? Я сего дня всю серебряными деньгами принялъ отъ должника, а червонныя всѣ роздалъ, и такъ теперь у меня право ни одного нѣтъ, а серебряными деньгами дарить какъ мнѣ, такъ и всякому изъ нашей фамиліи не пригоже.

Крестьянинъ.

Пожалуй, я серебряными очень доволенъ буду, милостивой государь!

Д. Ранудо.

Нѣтъ, Жуанъ! этого не льзя сдѣлать, мы тѣмъ можемъ всей славы своей лишиться. Награжденія наши всегда либо золотомъ, либо честью бываютъ.

Крестьянинъ.

Однакожъ когда у вашего высокородія теперь золота не случилось, а у меня чести про себя столько, сколько мнѣ надобно, такъ я прошу серебряными деньгами убытокъ мой починить, чтобъ было съ чемъ дойти до дому.

Д. Ранудо.

Развѣ дать ему мѣлкихъ, Донна Олимпія! съ такимъ договоромъ, чтобъ онъ про это никому не сказывалъ?

Д. Олимпія.

Нѣтъ, я до этого никогда не допущу; для того что это вѣчной стыдъ дому нашему будетъ.

Крестьянинъ.

Я право никому не скажу, что серебряныя деньги мнѣ пожаловали.

Д. Ранудо.

Слушай, Жуанъ! я увѣренъ, когда ты, пришедъ домой, и разскажешъ своей братьѣ крестьянамъ, что съ тобою здѣсь сдѣлалось, то всѣ тебя почитать станутъ.

Крестьянинъ.

Ежели у вашего высокородія теперь денегъ нѣтъ, то я беру смѣлость просить приказать мнѣ хотя что нибудь изъ поварни вашей на дорогу пожаловать, которое могу я дома своей братьѣ для увѣре-

нія

нія показать, что имѣлъ щастіе въ домѣ вашемъ быть.

Д. Ранудо.

Я тебѣ дамъ копію съ герба моего, ты можешь то дома показать для увѣренія, что здѣсь былъ.

Крестьянинъ.

Будуль я отъ того благороденъ, когда вы меня гербомъ вашимъ пожалуете?

Д Ранудо.

Какъ бы да не такъ! полно пустое-та говорить.

Крестьянинъ.

Я думалъ, что отъ герба-то все и зависитъ; потому что вить многіе доказываютъ свое благородство не чѣмъ инымъ, какъ гербами предковъ своихъ; а когда мнѣ то пользовать не будетъ, то прикажите лучше что нибудь изъ поварни своей пожаловать, чтобъ было чѣмъ мнѣ дорогою питаться.

Д. Ранудо.

Буде кто въ томъ сомнѣваться станетъ, и скажетъ, что какъ

возможно этому статься, чтобЪ ДонЪ Ранудо де КалибрадосЪ, которой происходитЪ отЪ Антонія, Проспера, Алфонза, Гонзала, Гипполита, Стефана, Мустаха - - -

КрестьянинЪ.

Ваше высокородіе! - - -

Д. Ранудо.

Лопеса, Мелхіора, Гусмана, Ѳеодосія, Теофраста, Ѳеодора, Карлоса, Филиппа, Мануэла, Билтазара. - - -

КрестьянинЪ.

Ваше высокородіе! я - - - -

Д. Ранудо.

Афелія, Сонкцыня, Гатра, Дона Голина, Сабастіана, Валентіана, Стемогіона, Миліора, Лопеса. - - -

КрестьянинЪ.

Ваше высокородіе! я - - -

Д. Ранудо.

Каспара, Рануда, Тринкала; Фейтова и прочихЪ.

Кресть-

Крестьянинъ.

Я все таки еще голоденъ, милостивой государь!

Д. Ранудо.

(показываетъ ему родословную, и говоритъ):

И прочихъ, и прочихъ, и прочихъ.

Крестьянинъ.

Сколько бы ни было въ вашей родословной Донъ Эліановъ, Донъ Кишетовъ и Зайшипансовъ, однакожъ мнѣ въ томъ при- - - -

Д. Ранудо.

Буде кто, говорю я, сомнѣваться станетъ, и скажетъ, что не возможно такому великому человѣку съ бѣднымъ крестьяниномъ столько милости сдѣлать, то можешь ты вотъ это ему показать. (*женѣ*) Слушай, Донна Олимпія! вонъ лежитъ копія съ герба нашего, подай ее этому бѣдняку, онъ можетъ ее съ собою взять для доказательства, что здѣсь у насъ былъ.

Д. Олимпія (подаетъ листокъ).

На вотъ, Жуанъ! спрячь его хорошенько, и смотри, чтобъ дорогою не потерять.

Крестьянинъ.

Не прикажетель, я самъ въ поварню схожу, и человѣка вашего къ вамъ кликну.

Д. Ранудо.

Постой, я тебѣ разскажу всѐ, что которое значитъ въ гербѣ. Въ первомъ полѣ, вотъ видишь! соколъ синій, въ другомъ вотъ леопардъ.

Крестьянинъ (тихо)

Чортъ меня догадалъ сумку съ собою сюда взять, ничего бы этого вранья не было. (*въ слухъ*) Мнѣ пора домой итти, сударь!

Д. Ранудо.

Въ третьемъ вотъ четыре лилеи.

Крестьянинъ.

Пожалуй по мнѣ хоть бы ихъ шесть было.

Д. Ранудо.

А вотъ въ четвертомъ мечь.

Крестьянинъ.

Да чортъ ли мнѣ въ мечѣ вашемъ и съ лилеями.

Д. Ранудо.

Я тебѣ всѐ растолкую.

Крестьянинъ.

Прошу прощенія, и благодарствую за честь эту, что вы хлѣбъ и сыръ мой стрескать изволили.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Д. Ранудо и Д. Олимпія.

Д. Ранудо.

Какъ же прославлять насъ будетъ онъ, домой пришедши!

Д. Олимпія.

И вѣдомо; я совершенно знаю, что онъ скажетъ; онъ скажетъ, какіе это милостивые господа, иной и мужикъ спѣсивѣе ихъ дѣлается!

Д. Ранудо.

Да не будетъ ли чести нашей какого нибудь въ томъ урону, что мы этому крестьянину столько милости сдѣлали.

Д. Олимпія.

Нѣтъ ничего, Донъ Ранудо! мы не потеряемъ тѣмъ чести нашей ничего; я не много о томъ думаю. Вить отъ этого не стану я тѣхъ терпѣть, кои захотятъ то быть,

что они не есть. Крестьяне вить не больше о себѣ думають, какъ только что крестьяне, и честь, которую имъ дѣлають, почитають они за милость. А есть нѣкоторые люди, какъ на примѣръ господинъ (а ты самъ знаешь кто) дѣлается благороднымъ; а всякъ видитъ, какъ подлость-та изъ него выглядываетъ, какъ бы онъ ее ни пряталъ. Съ такими людьми всегда такъ бываетъ, какъ съ однимъ лакеемъ, о которомъ сказываютъ, что онъ очень много денегъ выигралъ, и тѣмъ сталъ господиномъ, сдѣлалъ себѣ великой штатъ и богатой экипажъ, а самъ въ одну пору такъ забылся, что вмѣсто того, чтобъ въ карету сѣсть, заторопясь сталъ на запятки: такъ-то измѣняютъ и тѣхъ людей, о которыхъ я говорю, часто подлыя ихъ ухватки; для того что они имъ сродны. Мнѣ смертельно досадно видѣть госпожу (ты вить знаешь о комъ я думаю), какъ она въ каретѣ ѣдетъ, и искривя голову сидитъ; какой меланхоличной видъ дѣлаетъ, и неудовольствіе въ ней

из-

издали видѣть можно, что мужъ у ней не самымъ первымъ человѣкомъ на свѣтѣ; а сама не вспомнитъ, какъ мать ея въ Севиліи на рынкѣ ягоды продавала; а про бабушку и подумать не хочетъ, такъ какъ и господинъ не говоритъ никогда про своихъ отца съ матерью. Правильно я не могу эдакой подлости терпѣть, Донъ Ранудо!

Д. Ранудо.

Ну полно сердиться, свѣтъ мой! вить это труда не стоитъ.

Д. Олимпія.

Ежели они осмѣлятся хоть однова ко мнѣ въ гости пріѣхать, право заставлю ихъ цѣлой часъ на дворѣ дожидаться, по чести тебѣ клянусь. Кстати-ли это, что они . . .

(*Впадаетъ съ сердца въ обморокъ*).

Д. Ранудо.

Вотъ вить я говорилъ, что дурно будетъ. О! ежели бы было что теперь ей понюхать, да вотъ развѣ сыръ, авосьлибо придютъ. (*она приходитъ въ себя*) Ахъ какое благородное сердце!

Д. Олимпія.

Я тебѣ сказываю, Донъ Ранудо! что они цѣлой часъ принуждены будутъ на дворѣ стоять, больше я объ нихъ ничего не думаю; я почитаю ихъ не лучше этого куска сыру, что у тебя въ рукахъ.

(Говоря то, взяла сыръ у него изъ рукъ, и съѣла.)

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣжъ, и Педро.

Педро.

Теперь ужъ все пойдетъ къ чорту, заимодавцы пришли съ разсыльщикомъ, берутъ все, что въ домѣ ни нашли.

Д. Ранудо.

А гдѣ они?

Педро.

Вошли ужъ въ переднюю.

Д. Ранудо.

Пойдемъ къ нимъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣжъ, и Разсыльщикъ.

Разсыльщикъ (*дѣлаетъ низкой поклонъ*).

Всепокорнѣйше прошу о прощеніи, ваше высокородіе! что я съ такою дерзостію сюда пришолъ; я бѣдной разсыльщикъ, которой подъ потеряніемъ чина своего повелѣніе господъ Судящихъ исполнить долженъ.

Д. Ранудо.

А за чемъ ты сюда присланъ?

Разсыльщикъ.

Мнѣ велѣно въ домѣ вашего высокородія конфисковать все, что ни сыщу, даже и до высоко почтеннаго платья вашего, которое теперь на себѣ имѣть изволите.

Д. Ранудо.

Я не думаю, чтобъ со мною такъ какъ съ подлымъ мѣщаниномъ поступлено было.

Разсыльщикъ.

Не должно было такъ быть, да бѣда законъ, которой не дѣ-

дѣлаетъ разницы въ людяхъ, ежели о деньгахъ дѣло идетъ.

Д. Ранудо.

Одумайтесь, что хотите дѣлать, господинъ мой?

Разсылъщикъ.

Я довольно о томъ размышлялъ, посланные со мною товарищи уже все обобрали, что въ другихъ горницахъ нашли; однакожъ когда все то гораздо меньше стоитъ того, что ваше высокородіе должны, такъ я беру смѣлость до платья вашего высокородія коснуться, и прошу всепокорнѣйше то за противное не причесть.

Д. Ранудо.

Кому это не будетъ противно? вы не можете сыскать никакой причины къ оправданію вашихъ поступокъ.

Разсылъщикъ.

Время не позволяетъ мнѣ теперь объ околичностяхъ разсуждать, а хочу только, продолжая учтивость мою къ вашему высокородію, исподнее платье на васъ оставить.

Д.

Д. Ранудо.

Ужасная учтивость!

Разсыльщикъ.

Конечно я знаю, кому какое почтеніе дѣлать должно.

(*Снимаетъ съ него кафтанъ, и дѣлаетъ три низкіе поклона.*)

Д. Ранудо.

О небо! въ какихъ временахъ мы живемъ!

Разсыльщикъ.

Теперь должно мнѣ къ вамъ приступить, милостивая государыня!

Д. Олимпія.

Проступокъ этотъ головы стоитъ, чтобъ предъ такою дамою, какъ я, невѣжничать; одумайся лучше.

Разсыльщикъ.

Свидѣтельствуюсь всемъ на свѣтѣ, сколь трогаетъ меня то, что я повелѣнное мнѣ надъ вашимъ высокородіемъ исполнить долженъ; однакожъ я вить только неповинной инструментъ, которой господа Присудствующіе употребляютъ.

Д. Олимпія.

Скажи всему Магистрату, что онъ за это публично штрафованъ будетъ.

Разсыльщикъ.

Я не премину приказъ вашего высокородія покорнѣйше донесть; а притомъ беру смѣлость платье ваше на щетъ должниковъ снять.

(Снимаетъ платье, и цѣлуетъ съ учтивостію оставшую на ней юпку.)

Д. Олимпія.

О Боже мой! умираю со стыда.

Д. Ранудо (съ табакеркою въ рукахъ).

Донна Олимпія! намъ надобно быть великодушнымъ, и все презирать, чтобъ доказать то, что сердца наши сколь благородны, столь и великодушны. Государь мой! намъ это не досадно, не изволишь ли табаку понюхать?

Разсыльщикъ.

Ежели смѣю доложить, собственнаяль вашего высокородія эта табакерка?

Д.

Д. Ранудо.

Моя. А чтожъ?

Разсыльщикъ.

Когда ваша, такъ я прошу на меня не прогнѣваться, что ее также на щетъ приму. Я вижу, что мнѣ теперь здѣсь болѣе дѣлать нечего. Не имѣете ли, ваше высокородіе! еще чего приказать?

(Поклонясь три раза очень низко, отходитъ.)

Педро.

Табакерку-та можно бы было вамъ у себя удержать.

Д. Ранудо

Быть такъ, Педро! пойдемъ отсюда.

Педро.

Эдакой бездѣльникъ! онъ знать учился учтивымъ образомъ съ людей кожу сдирать, да знать еще онъ не ушелъ со двора-то, онъ конечно вездѣ хочетъ перешарить, мнѣ надобно свои крохи куда нибудь спрятать, а то онъ ничему не спуститъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Леонора, Изабелла.

Леонора.

Ну, сударыня! каково кажется брату вашему наше намѣреніе?

Изабелла.

Онъ очень тѣмъ доволенъ; и я не иначе сказать мошу, какъ то, что это лучшій способъ.

Леонора.

Онъ будетъ у насъ сынъ Царя Арабскаго, а назовемъ его Т-фрасто Бомбасто Принцъ Еѳіопской.

Изабелла.

Знатное имя! я думаю, что одно только слово Бомбасто можетъ господъ твоихъ удовольствовать, и принудить дочь за него отдать. Однакожъ не удивительноль будетъ нѣсколько Еѳіопскимъ Принцомъ на-

назваться? Мнѣ кажется вымыселъ этотъ ништо отважнымъ, да и на то похожъ, какъ въ комедіи, называемой по Французски Bourgois gentil homme, обманутъ былъ одинъ купецъ тѣмъ, что будто Принцъ Турецкаго Султана пріѣхалъ въ Парижъ жениться на дочери того купца.

Леонора.

Нѣтъ, сударыня! сколь ни складенъ въ той комедіи этотъ вымыселъ, столь напротивъ нашъ очень способенъ быть можетъ; потому что для обману купца Турецкому Принцу не кстати было пріѣзжать изъ Азіи въ Европу въ провожаніи великаго Муфтія и многихъ духовныхъ, и жениться на посадской дѣвкѣ въ Парижѣ. Это вить также не вѣроятно, какъ и то, что нѣкогда одинъ назвалъ себя Посланникомъ изъ Луны, которой будто присланъ былъ сватать Докторскую дочь за его Государя; а здѣсь пріѣдетъ Христіянской Принцъ изъ Африки въ Испанію,

и скажется, что онъ Католической законъ принялъ, какихъ и много въ Ѳѳіопіи есть, и что онъ ищетъ невѣсты изъ столь знатной Испанской фамиліи, какъ Калибрадосъ; почему никакого инаго сомнѣнія быть не можетъ, какъ только развѣ что онъ чоренъ; однакожъ это такая вещь, которая до невѣсты лишь только принадлежитъ. Вить вы знаете, что господа мои никакую фамилію противъ себя не почитаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣжъ, и Педро.

Педро.

А, Леонора!

Леонора.

Что такое?

Педро.

Ступай скорѣе! тебя запечатать надобно также какъ прочую домовую рухлядь.

Леонора.

Запечатать? Что это значитъ?

Педро.

Педро.

Это значитъ то, что на тебя клеймо положить; у насъ въ домѣ теперь великая сумятица, нѣтъ ни одного сундука, которой бы не былъ запечатанъ. Все, что снесть можно было, унесено; и послѣднее платье съ господъ содрали, да взяли за долги.

Леонора.

Чортъ ихъ всѣхъ побери; платье мое все, что ни есть, было у меня прежде, нежели я сюда въ домъ пришла.

Педро.

Это не поможетъ; я хотѣлъ было также отговориться, однакожъ того неслушаютъ разсылщики, побрали всѣ мои пожитченки, что ни было; а меня только тѣмъ утѣшили, чтобъ убытки свои на господахъ искалъ.

Леонора.

Изрядное утѣшеніе!

Педро.

Они и о служанкѣ спросили, однакожъ я столько былъ честенъ, и

 ска-

сказалЪ, что тебя дома нѣтЪ; и просилЪ, чтобЪ они часЪ мѣста подождали, а ты между тѣмЪ придешь.

Леонора.

Смотри пожалуй, какой честной человѣкЪ!

Педро.

Они бы и твои пожитки попрятали, ежелибЪ не я.

Леонора.

У меня конечно такого ничего нѣтЪ, чтобЪ запирать надобно было; пускай ихЪ берутЪ, что хотятЪ; однакожЪ что теперь господа наши дѣлаютЪ?

Педро.

Все таковыжЪ спѣсивы, хотя почти и до нага раздѣты; я не знаю, есть ли полно что нибудь теперь вЪ домѣ, чѣмЪ бы имЪ одѣться было, кромѣ старой черной епанчи.

Леонора.

У меня слезы идутЪ, слышавши это.

Изабелла.

Добро, полно, Леонора! небось, будетъ все изрядно.

Педро.

Какое изрядно? чему ужъ доброму быть?

Изабелла.

Ты вить знаешь, какъ мы уговорились. Вотъ Гусманъ идетъ.

ЯВЛЕНIЕ 3.

Тѣжъ, и Гусманъ.

Гусманъ (*не видя ихъ*).

Чортъ васъ всѣхъ побери, мошенники! развѣ хочется вамъ съ меня кожу содрать, да въ ней нужды вамъ нѣтъ; буде платье мое ограбить хочется, такъ оно и все шелега не стоитъ; а ежели пажеской титулъ вамъ понравился, такъ вы мнѣ великую сдѣлаете услугу, ежели возмете его; потому что я еще щастливѣе быть могу, когда пойду къ кому другому въ домъ хотя въ поваренные работники, и охотнѣе стану на вертелѣ жареное вертѣть,

гдѣ конечно лучше сытъ буду; не будетъ же вамъ и въ томъ прибыли бездѣльники, что вы и съ господами такъ поступили; сперва побрали они, что ни нашли въ домѣ, а по томъ и до самыхъ господъ добрались, напередъ сняли съ господина шляпу съ головы, по томъ кафтанъ, а тамъ уже, съ позволенія сказать, и галстухъ съ шеи, и такъ на немъ ничего, кромѣ штановъ и башмаковъ, не осталось; однимъ словомъ, не покинули ничего больше, чѣмъ бы ему одѣться, какъ только епанчу печальную старую. Ее надѣлъ онъ на себя, и похожъ въ ней на самаго чорта; однакожъ великодушенъ еще притомъ очень, сказалъ мнѣ: слушай, Гусманъ! при всемъ нашемъ нещастіи родословная-та наша у меня осталась.

Леонора.

Нѣтъ ли чего новаго, Гусманъ?

Гусманъ.

Скоро все новое будетъ; для того что старое-то все къ чорту пошло. Ба! да вотъ госпожа изволитъ итти.

Иза-

Изабелла.

Такъ я пойду отсель.

(*Отходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Донна Олимпія, Педро, Гусманъ, Леонора.

Д. Олимпія.

Ахъ! сердце мое съ досады рвется. Какая неслыханная безстыдность! какая ужасная дерзость! я должна отмстить, хотя бы мнѣ то и жизни стоило.

Гусманъ (*тихо*).

Да это давно намъ пророчествовали.

Д. Олимпія.

Какъ о томъ ни вспомню, кипитъ во всѣхъ жилахъ моихъ благородная кровь.

Педро (*тихо*).

Вить чему нибудь въ домѣ да надобножъ кипѣть; для того что въ котлѣ у насъ давно ужъ ничего не кипѣло.

Д. Олимпія

Мнѣ пришло умереть.

Педро (*тихо.*)

Однакожъ право не отъ излишняго кушанья.

Д. Олимпія.

Развѣ люди забыли, кто я?

Педро (*тихо*).

То-то и бѣда, что помнятъ, а иначе послѣднее-то могло бы уцѣлѣть, что было осталось.

Д. Олимпія.

Гдѣ дѣлись люди мои? мнѣ надобно бы съ ними посовѣтовать, что намъ теперь дѣлать.

Леонора.

Мы всѣ здѣсь. Что изволите приказать, ваше высокородіе!

Д. Олимпія.

Ахъ, Леонора! ты мнѣ всегда вѣрна бывала.

Леонора.

Я не больше дѣлала, какъ только что должность моя требуетъ.

Д. Олимпія.

Знаешь ли ты, Леонора! какое нещастіе и ругательство надо мною сдѣлалось?

Лео-

Леонора.

Все по нещастію извѣстно мнѣ, сударыня!

Д. Олимпія.

Какъ такъ скоро стало это извѣстно?

Леонора.

Да какъ не быть намъ извѣстно! вить всѣхъ насъ нещастіе-то тронуло.

Д. Олимпія.

То-то вѣрные слуги, что въ поношеніи господъ своихъ участіе имѣютъ.

Леонора.

Стыдъ не такъ великъ, какъ убытокъ.

Д. Олимпія.

Такъ по этому ты не знаешь, что съ нами сдѣлалось?

Леонора.

Какъ не знать, что разсыльщики - - - -

Д. Олимпія.

Это бы даромъ; есть другое гораздо важнѣе. Лишь только разсыльщики ушли, вошла ко мнѣ въ

комнату безъ докладу одна служанка, и съ превеликою смѣлостію стала говорить: господа мои приказали вамъ поклониться; жаль имъ очень, что съ вами такое нещастіе сдѣлалось; и для того приказали просить, чтобъ ваше высокородіе вотъ это штофное платье, которое и двухъ разъ надѣвано не было, принять не отказали. Ахъ! отъ гордости и досады не могу я больше о томъ говорить.

(*Отходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5.

Донъ Ранудо (*обвернутъ въ черную епанчу*), *Леонора и Педро* (*увидя его, испужались, и стали на колѣни*).

Д. Ранудо.

О ребятки! почтеніе это очень велико. Я вить еще не святой; хоть и знатной господинъ, однакожъ вить человѣкъ; и для того не требую, чтобъ передо мною для почтенія на колѣни становились.

Педро.

А! это ваше высокородіе?

Д.

Д. Ранудо.

Вить ты видишь, встаньте; я не желаю отъ людей своихъ эдакого почтенія.

Педро.

Я побожиться готовъ, что не изъ почтенія это сдѣлалось, а вы намъ право чортомъ показались.

Д. Ранудо.

Вотъ на! это отъ черной-та епанчи моей? Однакожъ я клянусь, что это имъ не пройдетъ, что сего дня со мною сдѣлано. Заимодавцы должны съ женами и дѣтьми изкоренены быть. Что ты думаешь? вить за эдакой проступокъ надлежитъ ихъ всего имѣнія лишить, да и городъ весь привиллегію свою за то потеряетъ.

Педро.

Ахъ, милостивый государь! прошу ужъ хотя города-то не разорять, чѣмъ другіе добрые люди въ томъ виноваты?

Д. Ранудо.

Въ эдакихъ случаяхъ, Педро! и правыхъ съ виноватыми наказываютъ.

Педро.

Педро.

Однакожъ ежели эдакой великой человѣкъ, какъ ваше высокородіе, о городѣ-то слово замолвитъ, такъ можетъ вить онъ и помилованъ быть.

Д. Рануdо.

Добро, Педро! ежели то до того придетъ, то я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать.

Педро.

Весь городъ благодарить васъ будетъ.

Д. Рануdо.

Слушай, Педро! чья это женщина была предо мною съ вами здѣсь, и побѣжала вонъ?

Леонора.

Это служанка изъ Принцовой свиты, которой недавно сюда пріѣхалъ.

Д. Рануdо.

Какой это Принцъ?

Леонора.

Онъ называется Теофрасто Бомбасто Принцъ Еѳіопской.

Д.

Д. Ранудо.

Статноель это дѣло? да почему она вамъ знакома?

Леонора.

Она ко мнѣ въ гости приходила для того, что государыня ея, мать этого Принца, а Королевская сестра, накрѣпко ей приказывала, чтобъ она ни съ кѣмъ здѣсь знакомства не дѣлала, какъ только что съ служителями нашего дому.

Д. Ранудо.

Это мнѣ очень пріятно; я вижу, что они амбицію имѣютъ; да правду сказать, и не съ кѣмъ ей здѣсь въ городѣ имѣть знакомства.

Леонора.

Тутъ есть еще важность, сколько я примѣтить могла; потому что служанка почти проговорилась, что этотъ Принцъ за тѣмъ только сюда и пріѣхалъ, чтобъ жениться на вашей Доннѣ Маріи, а онъ очень знатной крови; она сказывала, что будто произхожденіе его отъ Сафской Царицы.

Д. Ранудо.

Не въ правду ли? Леонора! Позови сюда скорѣе госпожу, надобно и ей объ этомъ дать знать; вить это не шутка. Да вотъ она и сама идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣжъ, и Донна Олимпія.

Д. Олимпія.

Ахъ, Донъ Ранудо! мнѣ стыдно право въ эдакомъ подломъ платьѣ показаться.

Леонора (тихо).

Это право мое старое платье на ней.

Д. Ранудо.

Не печалься, Донна Олимпія! одинъ великой Принцъ пріѣхалъ сюда, и хочетъ на дочери нашей жениться.

Д. Олимпія.

Можетъ быть это изъ какой нибудь новой фамиліи.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, изъ самыхъ древнихъ на свѣтѣ, Принцъ Еѳіопской; Леонора знаетъ, какъ его зовутъ.

Леонора.

Онъ называется Теофрасто Бомбасто Принцъ Еѳіопской.

Д. Олимпія.

Статноель дѣло!

Леонора.

Я думаю, что вы конечно сего дня отъ него визитъ имѣть будете; одно только, въ чемъ я нѣсколько опасна, что Донна Марія можетъ быть не захочетъ за него итти, для того что онъ оченъ чоренъ.

Д. Олимпія.

Это даромъ, лишь бы онъ только знатной природы былъ. О какое великое щастіе!

Д. Ранудо.

Да какъ мнѣ эдакого великаго Принца въ теперешнемъ жалкомъ состояніи принять? Слушай, Педро! одинъ чужестранной Принцъ сюда

прі-

пріѣхалъ на дочери моей жениться, а Принцъ этотъ Арабской.

Педро.

Полно, сударь! не ужъ ли вы вправду хотите дочь вашу за Татарина отдать?

Д. Ранудо.

Это даромъ, она тѣмъ придетъ въ великую знатность; да гдѣ мнѣ платья взять?

Педро.

Постойте на часъ, милостивый государь! я тотчасъ вамъ платье достану; я хоть на свое имя займу.

Д. Ранудо.

О другъ мой! пожалуй постарайся поскорѣе достать.

Педро.

Я тотчасъ сбѣгаю.

(*Отходитъ.*)

Д. Ранудо.

Мнѣ кажется, ништо стучатъ за дверьми.

Д. Олимпія.

Леонора! побѣги, да послушай, кто тамъ.

Ле-

Леонора.

Ах! это переводчикъ Принцовъ пришолъ, и желаетъ ваше высокородіе видѣти.

Д. Ранудо.

Не вправду ли? какъ намъ теперь быть? Скажи, Леонора! что насъ дома нѣтъ.

Д. Олимпія.

Нѣтъ, это очень дурно, и опасно посланному отъ такого великаго человѣка (Принца) отказать; намъ надобно другое что нибудь вздумать.

Д. Ранудо.

Нѣтъ другаго способу; мнѣ никакъ не льзя въ этомъ состояніи показаться.

Леонора.

Мнѣ пришло на умъ, чѣмъ помочь можно; ваше высокородіе можете больнымъ притвориться, и сказать, что Докторъ велѣлъ въ этакую епанчу одѣться, для того что она въ себѣ симпатическое лѣкарство имѣетъ къ пользѣ болѣзни вашей.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, это дурно.

Леонора.

Или другой способъ: вы можете притвориться, что будто говѣете, и по обѣщанію эту епанчу на себя надѣли.

Д. Ранудо.

Вотъ это живютъ, Леонора! позови его сюда.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣжъ, и Переподчикъ.

Леонора (*Переводчику*).

Государь мой! не извольте дивиться, что видите господъ моихъ въ такомъ состояніи. Его высокородіе Донъ Ранудо сколь знатной и великой человѣкъ здѣсь въ городѣ, столь напротивъ того и богобоязливъ; онъ смирилъ себя по примѣру Навуходоносорову, такъ что больше на дикаго звѣря, нежели на человѣка похожъ, и взялъ намѣреніе тѣло свое четырнатцать дней изнурять и мучить; прежде сталъ было

было босикомъ ходить, однакожъ этого труда ему показалось не довольно, и для того вздумалъ Навуходоносору последовать, отъ котораго онъ, какъ думаю, произхожденіе свое имѣетъ, потому что его фамилія самая знатнѣйшая во всей Испаніи; онъ хотѣлъ было еще также какъ Навуходоносоръ на рукахъ и на ногахъ ползать, да мы всѣ со слезами стали его просить это оставить; однако же то не помогло бы ни мало, ежели бы не здѣшнее духовенство на другое обѣщаніе его уговорили.

Переводчикъ.

По этому вижу я, Донъ Ранудо! что въ фамиліи Калибрадосъ не только что великіе люди, и святые есть.

Д. Ранудо.

Ахъ, другъ мой! далеко еще до того, чтобъ мнѣ святымъ быть; я почитаю себя больше грѣшникомъ, которой конечно великаго наказанія достоинъ за грѣхи мои.

Переподчикъ.

Это признаніе больше доказываетъ васъ праведникомъ; потому что когда святой подумаетъ, что онъ святъ, то не будетъ ужъ во святыхъ. Да гдѣжъ Донна Олимпія, ваша супруга?

Д. Ранудо.

Вотъ она стоитъ; платье это на ней для той же причины, какъ вамъ сказано.

Переподчикъ.

Мнѣ не льзя ничего противъ этого говорить; можетъ быть за какой нибудь смертной грѣхъ эдакое покаяніе дѣлать изволите.

Д. Ранудо.

Я видѣлъ третьяго дня очень дурной сонъ, въ которомъ впалъ въ великой грѣхъ, и для того положилъ на себя это обѣщаніе.

Переподчикъ.

И за это одно заслужили вы мѣсто въ раю. Однакожъ время мнѣ причину прихода моего открыть. Я присланъ увѣдомить васъ о прибы-

бытіи сюда въ городъ Его Свѣтлости Государя моего Свѣтлѣйшаго Принца Абисинскаго; однакожъ не эта главная моя причина: я имѣю высокое повелѣніе отъ моего Государя предложить вамъ о супружествѣ Его Свѣтлости съ вашею любезною дочерію.

Д. Ранудо.

Это предложеніе дѣлаетъ намъ великую честь; однакожъ смѣюль я Вашего Высокопревосходительства спросить, отъ чего Принцъ на эдакія мысли пришелъ?

Переводчикъ.

Причина, для которой Его Свѣтлость такой дальній путь принять изволилъ, есть та: въ Еѳіопіи или Абисиніи, какъ Король, такъ и подданные всѣ въ Христіянскомъ законѣ, хотя съ нѣкоторою съ Католиками разностію; чего ради многіе Португальскіе Езуиты туда посланы, чтобъ Абисинію привесть въ послушаніе Папежское чрезъ старанія и проповѣди тѣхъ святыхъ Отцевъ. Принцъ

Государь мой такъ тронутъ, и доказанъ, что онъ отъ всѣхъ ихъ теперь за лучшаго Католика почитается, объ этомъ извѣстенъ будучи и Король нашъ, дядя Его Свѣтлости, и по прозьбѣ его позволилъ искать себѣ невѣсты въ Испанiи, или Италiи, и такъ онъ со мною Яго де ла Коресъ своимъ Оберъ-Переводчикомъ и природнымъ Испанцемъ о томъ совѣтовалъ, и спрашивалъ у меня о знатнѣйшихъ Испанскихъ фамилiяхъ; почему я Его Свѣтлости предложилъ вашу, какъ первѣйшую фамилiю здѣсь во всей Испанiи, да и во всей Европѣ. Я для того говорю во всей Европѣ только, что въ Абисинiи гораздо старѣе здѣшнихъ фамилiй есть, и Его Свѣтлость можетъ доказать произхожденiе свое отъ Сафской Царицы.

Д. Ранудо.

Моя родословная не такъ далеко простирается.

Леонора.

Ваше высокородiе можетъ быть не изводите знать; я слышала, какъ уче-

ученые люди между собою объ васъ говорили; они сказываютъ, что Калибрадосы произходятъ отъ сыновъ Ноевыхъ, Сима, Хама и Афета по прямой линіи.

Д. Ранудо.

Можетъ быть; однакожъ древнія поколѣнія не очень ясны.

Переподчикъ.

Одно развѣ то удерживать васъ будетъ отдать дочь вашу за моего Принца, что онъ, также какъ и всѣ Арапы, чоренъ.

Д. Ранудо.

Это даромъ; вить Испанцы-то и сами нѣсколько смуглы.

Переподчикъ.

Я ни малаго сомнѣнія не имѣлъ жениться на моей женѣ, которой имя Геликонъ Комтра, а имѣетъ чинъ оберъ-протомои Королевской, которой чинъ въ Абисиніи знатнымъ госпожамъ дается. Вашему высокородію безъ сомнѣнія извѣстно, что всякое государство свои обычаи имѣетъ; а что всего мудре-

ніе для чужестранныхъ въ Абисиніи покажется такъ это ихъ языкъ, которой по большей части пѣніемъ, нежели разговорами назвать можно; на примѣръ ежели я скажу слово Тагунски просто нижнимъ тономъ, то это значить будетъ столъ; Тагунски повыше не много, значитъ гора; Тагунски еще повыше, значитъ церковь; Тагунски еще повыше, значить будешъ слонъ.

Д. Ранудо.

Это очень куріозно! дочери моей этому языку долго не выучиться будетъ.

Переподчикъ.

Черезъ годъ такъ станетъ она говорить, какъ природная Еѳіопка.

Д. Ранудо.

Я опасенъ лишь только, что она жару того, которой въ Абисиніи бываетъ, снести не можетъ.

Переподчикъ.

Въ той провинціи, гдѣ Король резиденцію свою имѣетъ, воздухъ очень умѣренной; а есть у него

под-

подданные, что подъ горячею линiею живутъ, которые такъ горячи, что ими сѣру зажигать можно; и буде имъ случится сѣсть варить, то лишь дохнутъ только на дрова, такъ и огонь тотчасъ готовъ.

Д. Ранудо.

Это нѣчто удивительно.

Переподчикъ.

Много есть удивительныхъ вещей. Надобно еще вамъ напомнить: вамъ должно, государь мой! съ открытою головою говорить съ Его Свѣтлостiю Принцомъ нашимъ, и поклониться прежде; для того что этой чести требуетъ онъ непремѣнно отъ всякаго подданнаго, кто не Королевской крови.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, я этого никогда не сдѣлаю; какъ этому статься, чтобъ Калибрадосъ, знатнѣйшiй вельможа Испанской, которой право имѣетъ съ Королемъ Испанскимъ съ покрытою головою говорить, открылъ свою голову предъ чужестраннымъ Принцомъ.

Леонора (*тихо*).

Куда къ чорту! это знать прямо по Испански будетъ, ни шапки, ни шляпы нѣтъ, а еще думаетъ не снимать шляпы.

Переподчикъ.

Такъ я вижу, что не бывать; для того что Его Свѣтлость не согласится ни на какой разговоръ, ежели чести его какой ущербъ будетъ потерянъ.

Д. Ранудо.

Мнѣ очень жаль такого знатнаго зятя лишиться; однакожъ я лучше хочу въ бѣдности умереть, нежели хоть малое что сдѣлать противъ моей чести.

Леонора (*тихо*).

Вотъ и это прямо по Испански.

Д. Олимпія.

Ежели Донъ Ранудо на то согласится, то я во всемъ съ нимъ разведусь.

Д. Ранудо.

Слова твои, Донна Олимпія! должны золотыми литерами въ залѣ написаны быть.

Леонора (*тихо*).

Нѣтъ, развѣ въ другомъ мѣстѣ.

Переподчикъ.

По этому вижу я, что Его Свѣтлость Принцъ мой, не исполня желанія своего, ѣхать приниужденъ будетъ.

Д. Ранудо.

Этого мнѣ очень жаль будетъ; однакожъ мнѣ никакъ не льзя на то согласиться, хотя бы то и жизни моей стоило.

Д. Олимпія.

Честолюбіе и благородная амбиція рождены съ нами, и еще съ матерьнимъ молокомъ влиты.

Леонора (*тихо*).

Это ужъ и черезчуръ по Испански.

Д. Ранудо.

Дочь моя пускай лучше въ монастырь идетъ.

Леонора (*тихо*).

А васъ бы обѣихъ съ бѣшеными запереть.

Переподчикъ.

Такъ по этому мнѣ здѣсь дѣлать нечего, я пойду донесть Его Свѣтлостию тказной отвѣтъ.

(*Отходитъ.*)

Д. Ранудо.

Какъ тебѣ кажется, Леонора? развѣ мы не хорошо за честь свою стоимъ?

Леонора.

Стоите вы, кажется, изрядно, да то дурно, что честь-та у васъ изъ подъ ногъ выскакиваетъ, и что вы честію и почтеніемъ называете, то другіе за безчестіе и стыдъ почитаютъ; гордость ваша такъ умножается, что со временемъ изрядную матерію для комедіи сдѣлаютъ.

Д. Ранудо.

Слушай, Леонора! за твою долговременную и вѣрную службу надобно нѣсколько сквозь пальцы на тебя смотрѣть.

Леонора.

Ваше высокородіе! говорить мнѣ вить не закажете; для того что я, четыре года служа у васъ, очень мало сѣла, а про жалованье и не слыхивала.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣжъ, и Педро.

Педро.

Вотъ изволь, сударь! я принесъ кафтанъ, за которой принужденъ былъ всю свою честь въ закладъ положить, что черезъ три дни назадъ отданъ будетъ.

Д. Ранудо.

Ужъ поздно, Педро! Переводчикъ Принцовъ теперь здѣсь былъ, да ни съ чемъ домой пошелъ, и не льзя свадьбѣ у насъ быть.

Д. Олимпія.

Авосьлибо еще и будетъ; почему намъ знать, что Принцъ отъ требованія своего не отступитъ, можетъ быть что и еще при-

пришлетъ; пойдемъ между тѣмъ, какъ ты кафтанъ надѣнешь.

(Донъ Ранудо и она отходятъ.)

Педро.

Для чего они раздумали?

Леонора.

Господину нашему не хочется съ открытою головою съ Принцомъ говорить.

Педро.

Да чтожъ намъ въ томъ нужды?

Леонора.

Для того чтобы они лучше вѣрили, что это подлинно Принцъ: Дай срокъ, все будетъ изрядно; нашъ Принцъ можетъ требованія своего нѣсколько и убавить. Да вотъ господинъ опять идетъ, нарядясь въ чужой кафтанъ.

Д. Ранудо.

Нѣтъ, я не думаю, чтобъ мнѣ можно было на то согласиться, хотя бѣдность наша и велика.

Д. Олимпія.

Что за бѣдность? подлые лишъ это говорятъ; люди такого состоянія,

янія, какъ мы, не могутъ быть бѣдны.

Педро.

А какъ съ голоду вашему высокородію умереть случится, то какъ это прямо по Испански назвать надобно будетъ?

Д. Олимпія.

Съ голоду умереть называется это не отъ бѣдности умереть, а героичною смертію; благороднымъ людямъ должно лучше эдакою героичною смертію умереть, нежели въ чемъ нибудь себя унизить.

Педро.

Да я опасенъ, чтобъ по кончинѣ не сдѣлали надъ гробомъ вашимъ эдакой надписи: здѣсь почиваютъ Донъ Ранудо съ высокородною своею супругою, скончались они оба съ голоду, упреждая злѣйшей бѣдности. Ба! да вотъ никакъ посолъ давишній опять идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣжъ, и Переподчикъ.

Переподчикъ.

Его Свѣтлость мой Государь ни мало не прогнѣвался, что ваше высокородіе упорность свою оказали, а удивляется еще, и почитаетъ васъ больше, нежели прежде; и для того оставляетъ на вашу волю, изволите ли вы то почтеніе Его Свѣтлости сдѣлать, или нѣтъ.

Д. Рануд.

Ежели Принцъ того въ требованіе свое не включаетъ, такъ какъ и не должно, то я добровольно лучше это сдѣлаю.

Д. Олимпія.

Что?

Д. Рануд.

Добро, Донна Олимпія! мы можемъ тому почтеніе сдѣлать, кому хотимъ, лишь бы не поневолѣ; для того что это будетъ учтивость, а не должность. Я докажу тебѣ изъ Испанской исторіи, что одинъ изъ нашихъ предковъ

ковъ предъ солдатомъ снялъ шляпу, идучи его встрѣтить, какъ тотъ въ баталіи съ Ксерксомъ восемь Араповъ своею рукою побилъ.

Переподчикъ.

Такъ я ваше высокородіе поздравляю съ принятымъ вашимъ намѣреніемъ, и Его Свѣтлость со всею свитою черезъ часъ сюда проводить честь имѣть буду.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Леонора, Гусманъ.

Гусманъ.

Ну, Леонора! чтожъ скажетъ теперь влюбленной Гонзало, увидя, что любезная его Донна Марія въ Арабскую землю ѣдетъ? Мнѣ право пріятно это, что она изъ заточенія своего и бѣдности въ великую честь и благополучіе приходитъ; однакожъ мнѣ бы больше хотѣлось, чтобъ эта свадьба не сдѣлалась для Гонзала.

Леонора.

Нѣтъ, Гусманъ! это для нее лучше.

Гусманъ.

Я вижу, что въ тебѣ постоянства столькожъ, какъ у всѣхъ дѣвокъ.

Лео-

Леонора.

Добро молчи, да боярышня-та тѣмъ, я чаю, довольна.

Гусманъ.

Боже мой! да какъ ей довольной быть эдакимъ чернымъ Арапомъ.

Леонора.

Я слышала, что Принцъ этотъ изрядной. Я не отстану отъ нее, куда бы она ни поѣхала.

Гусманъ.

И я съ вами поѣду.

Леонора.

А за чемъ?

Гусманъ.

Чтобы всегда съ тобою быть вмѣстѣ, для того что я тебя очень люблю, *Леонора!* ежели бы ты тожъ думала, что я, такъ бы вить не долго у насъ было и до свадьбы. Вить долго въ дѣвкахъ сидѣть тебѣ также дурно, какъ и мнѣ холостому ходить, а ктомужъ мнѣ необходимо надобно скорѣе жениться для нѣкоторой причины.

Леонора.

Полно врать, дурачина! ты не смыслишь, какъ должно съ Испанскими дѣвушками говорить, вить это не во Франціи, или въ Нѣмецкой землѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ, такъ что на примѣръ сего дня спроситъ, хочешь ли ты за меня? а завтра и свадьба; я такъ коротко о свадьбѣ разсуждать не люблю. А ежели ты хочешь любовь мою достать, то надобно тебѣ по нашему поступать. Сперва должно тебѣ цѣлой годъ ходя воздыхать, а увидя меня, робѣть, иногда притворяться, что будто отъ любви съ ума сошелъ, и удавиться хочешь, не показывая въ кого влюбленъ, а оставляя мнѣ самой въ томъ догадываться; по томъ должно тебѣ стараться мнѣ во всемъ ласкать, чаще подарки приносить, любовныя пѣсенки у меня подъ окошкомъ пѣть, терпѣливно сносить, ежели я тебя и бранить стану; по томъ надобно тебѣ будетъ склонить подарками какую нибудь старуху, которая мнѣ знакома, чтобъ она объ

тебѣ

тебѣ мнѣ иногда въ разговорахъ слово замолвила, и сказывала бы, какъ ты обо мнѣ страдаешь, и приводила бы меня сколько нибудь въ жалость, чтобъ я сжалясь, удостоила своимъ пріятнымъ взоромъ, и тѣмъ бы тебя оживотворила; или бы приносилъ мнѣ вирши, кровію твоею написанныя, а я бы позволила тебѣ сперва въ окошко съ собою говорить, а наконецъ и въ горницу къ себѣ пустила.

Гусманъ.

Правда, Леонора! должно бы эдакъ быть, да нечто время-то будетъ долговато, вить эдакихъ околичностей и въ пятьдесятъ лѣтъ не кончишь; напрасно ужъ ты мнѣ не совѣтуешь отъ любви-то и въ правду удавиться. Нѣтъ, Леонора! я знаю способъ, которымъ мы скорѣе къ концу притти можемъ, не нарушая обычаевъ нашей земли, не запирай лишь только одну ночь дверей у своей горницы, такъ я и сдѣлаю, что на другой день свадьба у насъ будетъ.

Леонора.

Перестань же врать, или я право господамъ пожалуюсь, такъ тебя и уймутъ.

Гусманъ.

Это вить я на примѣръ говорилъ, а ты дѣлай себѣ, что хочешь, мнѣ большой нужды въ женидьбѣ нѣтъ.

Леонора.

А мнѣ въ замужствѣ еще и меньше.

Гусманъ.

Ну добро, Леонора! не о чемъ вздорить. Да вотъ идетъ Донна Марія; я не могу на нее смотрѣть отъ жалости, сердце у меня кипитъ, какъ я вспомню, что она за такого чернаго Принца идетъ; я пойду отсюда.

(*Отходитъ*).

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 2.

Донна Марія, Леонора, Педро.

Д. Марія.

Вымыселъ твой Леонора очень хорошъ, да опасна я, чтобъ не вышло наружу, прежде нежели все сдѣлается.

Леонора.

Не льзя статься, ежели мы сами себѣ не измѣнимъ; я для того и Гусману теперь про это не сказала, что онъ не осторожень, и можетъ легко проболтаться.

Д. Марія.

Да спѣсь-та у нихъ такъ вкоренилась, что они лучше съ голоду умрутъ, нежели согласятся за того отдать, кто имъ въ бѣдности ихъ хотя и много помочь можетъ, да только малымъ чѣмъ меньше ихъ знатенъ.

Леонора.

Преужасная гордость владѣетъ нашимъ народомъ; и для того въ другихъ земляхъ, ежели кого случ-

чится назвать спѣсивымъ, то называютъ его Испанцомъ.

Д. Марія.

Не говори этого Леонора, что спѣсь нашей націи сродна. Нѣтъ, мы напрасно его тѣмъ клеплемъ; правда, есть много такихъ людей въ Испаніи, однакожъ изъ этого не льзя еще обо всѣхъ Испанцахъ такъ думать, потому что и въ другихъ земляхъ такихъ есть не мало, да еще сплошь. Съ пустаго примѣчанія сдѣлаютъ важность; на примѣръ ежели пріѣзжій въ какую нибудь землю [по щастію спознается прежде съ честными и добрыми людьми, то послѣ, пріѣдучи домой, разтвердитъ обо всѣхъ жителяхъ, что честные и добрые люди. Будежъ напротивъ попадутся ему сперва какіе гордые, или злые, то уже цѣлыя книги о страстяхъ ихъ сочиня, прославятъ во весь свѣтъ такими. И такъ для гордости родителей моихъ не должно всѣхъ Испанцовъ тѣмъ винить. Нѣтъ, это не правильно будетъ, потому

тому что почти всякѣ здѣсь въ городѣ ихъ за это ненавидитъ; и очень ради будутъ, ежели намѣреніе наше исполнится.

Педро.

Въ этомъ случаѣ съ вами всякому согласиться должно; потому что вы собою то доказываете, что не всѣ Испанцы этотъ порокъ имѣютъ. Да вотъ батюшка вашъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Донна Марія, Леонора, Педро, Гусманъ.

Д. Ранудо (Д. Маріи).

Ну, другъ мой! судьба даруетъ тебя теперь такимъ женихомъ, за котораго можешь ты итти безъ ущербу нашей фамиліи. Я назначилъ тебѣ мужемъ Принца Еѳіопскаго Теофраста Бомбаста.

Педро.

Одно только имя Бомбасто услышавши, видно, какой великой человѣкъ.

Д. Ранудо.

Онъ конечно такой великой человѣкъ, какъ и всѣ Еѳіопскіе Принцы.

Педро (тихо).

То даромъ, лишь бы онъ только знатной природы былъ.

Д. Ранудо.

Я думаю, что онъ и собою хорошъ.

Педро (тихо).

Въ томъ нужды нѣтъ, хотя бы онъ безъ ушей и безъ носу.

Д. Ранудо.

Надобно думать, что онъ и богатъ очень.

Педро.

Да на что ужъ богатство? вить въ одномъ словѣ Бомбасто великое богатство замыкается.

Д. Марія.

Я благодарю, милостивой государь батюшка! за попеченіе ваше обо мнѣ; а мое намѣреніе было лучше

ше въ монастырь итти, нежели не по состоянію моему замужъ итти.

Д. Олимпія.

Ахъ, Донъ Ранудо! слова ея должны быть написаны золотыми литерами на таблицахъ, и во всѣхъ знатныхъ домахъ повѣшены. Изъ Калибрадосовой фамиліи всегда эдакія отрасли растутъ.

Леонора.

Ежели бы Донна Марія за инаго кого замужъ итти захотѣла, то бы я никогда на то не согласилась; я хочу лучше умереть, нежели дожить до эдакой напасти.

Д. Ранудо.

Спасибо, Леонора! за твою вѣрность и почтеніе къ намъ, ты всегда то доказываешь довольно.

Педро.

Пока голова моя на плечахъ, я бы право не согласился никогда на то, чтобъ ей быть за Гонзаломъ, хотя бы онъ и еще этого богатѣе былъ. Я какъ услышалъ, что сестра его стала за него сватать, то

такъ мнѣ стало досадно, что колотье пришло, и теперь еще пуще стало колоть. Ай, ай, ай! знать отъ того, что про него вспомнилъ; какъ это не дерзновеніе, что эдакой мужикъ смѣетъ изъ Калибрадосовой фамиліи о невѣстѣ себѣ думать! Развѣ онъ думаетъ, что ихъ высокородіе столь сребролюбивы, что согласятся такъ себя унизить? О ежели бы онъ мнѣ теперь попался! я бы его вотъ на этомъ мѣстѣ до смерти уходилъ. Нѣтъ, прежде нежели бы это сдѣлалось, я лучше хотѣлъ бы весь домъ нашъ зажечь, и ваше и ихъ высокородіе въ пеплѣ видѣть.

Д. Олимпія.

Эдакой слуга достоинъ своихъ господъ, а господа достойны эдакого слуги.

Д. Ранудо.

Хотя онъ и совѣтуетъ намъ сгорѣть; однакожъ милы мнѣ его слова за чистосердечіе.

Педро.

Педро.

Такъ, сударь! пепелъ вашего высокородія, ежели бы говорить могъ, то конечно благодарилъ бы меня за геройскую смерть; и всѣ бы люди сказали, что вы жили геройски, и умерли геройски. Честь вить самое лучшее сокровище на свѣтѣ; и ежели чести не будетъ, все щастіе и богатство плюнуть. Я теперь говорю отъ чистаго сердца; а когда другое что иногда скажу, такъ то бываетъ въ шутку.

Д. Ранудо.

Я знаю, Педро! что ты и шутки-то говоришь вить для нашегожъ увеселенія.

Педро.

Конечно такъ; вить придворной шутъ можетъ иногда и дѣло говорить, такъ и я; когда надобно почтеніе къ вашему высокородію, то я всегда говорю не шуткою.

Д. Ранудо (ищетъ по карманамъ).

Вотъ, Педро! тебѣ за то, что ты теперь говорилъ, пять червонныхъ.

Ба!

Ба! да я не думаю, чтобъ со мною столько денегъ было; однако ты конечно получишь пять червонныхъ, ежели не больше.

Педро (*тихо*).

У него теперь знать съ собою не взято; а то я конечно получу, какъ и всегда бываетъ.

Д. Ранудо.

Ежели ты скоро и не получишь пяти червонныхъ, то знай, что я тебѣ что нибудь другое дамъ, которое еще и лучше того.

Педро.

А что такое, сударь?

Д. Ранудо.

Ежели эта исторія выдетъ объ нашей фамиліи, о которой я надеженъ, что все обстоятельно будетъ написано: то я сдѣлаю, что и твое имя тутъ же включатъ.

Педро.

Да что мнѣ въ томъ прибыли будетъ? Ба! да вотъ знать Принцъ идетъ.

(*Отходитъ.*)

Гусманъ.

О ежели бы я по Еѳіопски умѣлъ! я бы о многихъ вещахъ освѣдомился; и то очень много наслышался, а особливо о Красномъ морѣ и о великой рѣкѣ Сейнѣ, которая сквозь всю землю ихъ протекаетъ по золотому песку.

Д. Ранудо.

Что ты врёшь, глупинькой? Сейнъ течетъ сквозь Парижъ во Франціи.

Гусманъ.

Да! какъ бы да не такъ, сударь! я вить самъ видѣлъ, въ одной комедіи напечатано про него, а внизу подписано: дѣйствіе есть въ Арабской землѣ. Да вотъ онъ. О! какъ же сходны дѣла съ именемъ его! Взоръ его такъ меня бомбар-

бар-

бардируетъ, что я насилу на ногахъ стоять могу. Не изволитель его сколько нибудь встрѣтить?

Д. Ранудо.

Да, надобно; однакожъ, выключая коронованныхъ Персонъ, еще это первой, которому я эту честь дѣлаю.

Гусманъ.

И мнѣ также - - - - Теперь надѣюсь, за насъ господамъ разсыльщикамъ вымѣстятъ, что они насъ такъ бездѣльнически ограбили.

Д. Ранудо.

Это бы очень подло было, ежели бы я теперь о такой бездѣлицѣ думалъ.

Гусманъ.

Между тѣмъ мнѣ теперь и надѣть нечего; я право самъ Его Свѣтлость просить буду, чтобы хотя Судей-то перевѣшать приказалъ, чтобъ они впередъ насъ не обижали.

Д. Ранудо.

Добро, тебѣ заплатятъ твой убытокъ и безъ того, чтобъ Принца трудить.

Гусманъ.

Да какъ же, сударь? - - - -

Леонора.

Молчи, добро, Гусманъ! не думаешь ли ты, что Еѳіопія за твои худые башмаки, или чулки съ Испаніею войну объявитъ? Теперь нѣкогда объ эдакихъ безделицахъ думать; да вотъ онъ идетъ со всею своею свитою.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Принцъ выходитъ съ своею свитою, состоящею изъ черныхъ Арапевъ, процессія начинается слѣдующимъ порядкомъ: сперва идетъ одинъ съ ларинкомъ, въ которомъ подарки положены, за нимъ другой съ трубкою съ чубукомъ предлиннымъ, за нимъ Переводчикъ, по томъ Гонзало, то есть

Принцъ съ придворнымъ своимъ шутомъ, которой обвѣшанъ весь колокольчиками, и вокругъ Принца бѣгаючи, разныя кривизны дѣлаетъ; за Принцомъ идетъ еще одинъ съ лукомъ и стрѣлами, по томъ Нотаріусъ. Всѣ прошедъ по театру три раза, въ которое время музыка играетъ, остановятся, и тотъ, у кого стрѣлы, подошедъ къ Принцу, подаетъ ему лукъ съ стрѣлою, сдѣлавъ три низкіе поклона до земли. Принцъ, взявъ лукъ, стрѣляетъ на Д. Ранудо, которой испужавшись, говоритъ Переводчику.

Д. Ранудо.

Что это значитъ?

Переводчикъ.

Такимъ образомъ у насъ мужчины другъ друга привѣтствуютъ.

(По томъ другой подошедъ, выстрѣлилъ изъ лука въ Гусмана, онъ упалъ отъ страху, а шутъ помогаетъ ему встать, и говоритъ)

Гостуки, гостуко, гостука.

Гусманъ.

Гусманъ.

Чортъ это не шутка! Эдакъ и до смерти убить не долго.

Гонзало.

Лагамъ туйбу скомта позалагамъ губу лагамъ губа.

Переподчикъ.

Принцъ желаетъ вашему высокородію столько лѣтъ жить, сколько разстояніемъ отъ насъ солнце миль, и сколько песчинокъ въ Красномъ морѣ.

Гусманъ (*тихо*).

Этотъ языкъ для краткости зимою употреблять хорошо.

Д. Ранудо (*снялъ шляпу*).

Покорно благодарствую за желаніе Его Свѣтлости и самъ желаю ему благословенія Божія.

Переподчикъ (*Принцу*).

Алола.

Гусманъ (*тихо*).

Правда, что языкъ! имъ можно цѣлую исторію на одномъ листѣ написать.

Гонзало.

Лаконъ трангъ гилили.

Переводчикъ.

Принцъ говорить изволитъ, что онъ путь свой принялъ сюда для совокупленія бракомъ съ высокородною Испанскою фамиліею, и требуетъ вашей любезной дочери въ невѣсты.

Д. Ранудо.

Я принимаю требованіе Его Свѣтлости за великое себѣ удовольствіе, и вручаю дочь мою ему.

Переводчикъ (*Принцу*).

Локатакъ.

Д. Ранудо (*отдаетъ Донну Марію Принцу, потомъ говоритъ Переводчику*).

Те-

Теперь надобно Нотаріуса сыскать, чтобъ надлежащимъ образомъ контрактъ сдѣлать.

Переводчикъ.

Мы съ собою нарочно его позвали. (*Нотаріусу*) Изволь написать контрактъ въ такой силѣ, какъ вамъ сказано.

(*Нотаріусъ садится за приготовленной столъ, и пишетъ, между тѣмъ шутъ дернулъ за волосы Гусмана невзначай.*)

Гусманъ.

Господинъ Переводчикъ! за что онъ меня деретъ? я ему ничего не дѣлаю.

Переводчикъ.

Это нѣтъ ничего, другъ мой! Еѳіопскіе шуты всегда такъ говорятъ знаками; когда они съ знатными людьми говорятъ, то употребляютъ они знаки, называемые щелоки, а съ своею братьею вотъ эдакъ, какъ съ тобою говорятъ,

и это нарѣчіе называется Гокипо; теперь сказалъ онъ тебѣ, что надѣется съ тобою хорошими друзьями быть.

Гусманъ.

Благодаренъ за эту дружбу. Чортъ ли видалъ, чтобъ за дружбу волосы драть? А когда хоть мало покориться, то уже по этому и до смерти убить надобно.

(Шутъ дернулъ его еще за волосы).

Гусманъ.

Ай, ай, ай! поди прочь чорной чортъ!

Переводчикъ.

Онъ доказываетъ тебѣ, что хочетъ всегда вмѣстѣ съ тобою жить.

Гусманъ.

Да я не хочу. Чортъ съ нимъ захочетъ жить; онъ до тѣхъ поръ эдакъ со мною догово-

ворить, что мнѣ и умереть придеть.

(*Шуть грозить ему рукою*).

Гусманъ.

Кой чорть это онъ мнѣ грозить? знать еще какую нибудь дружбу показать хочеть.

Переподчикъ.

Онъ хочеть тебѣ кое что про свою землю разсказать.

Гусманъ.

Пожалуй скажи ему, что я отнюдь не куріозенъ ни въ чемъ; знать онъ право до смерти меня заговорить.

(*Шуть щелкнулъ его подъ носъ*).

Гусманъ.

Ай, ай, ай!

Переподчикъ.

Это значить начало его исторіи.

Гусманъ.

Ну такъ и мнѣ приходитъ Гожипо употреблять.

(Бросился на шута, и стали драться до тѣхъ поръ, пока розняли. Между тѣмъ Нотаріусъ, изготовя контрактъ, подаетъ для подписки.)

Д. Ранудо.

Пускай Принцъ и дочь моя напередъ подпишутъ, а по томъ мы засвидѣтельствуемъ.

Переводчикъ.

Нѣтъ, сударь! въ нашей землѣ всегда женихъ и невѣста послѣ подписываютъ, имъ только мѣсто оставляютъ.

Д. Ранудо.

Во всякой землѣ свои обычаи; давай я подпишу, когда такъ надобно.

(Трубы.)

*(Подписываютъ съ женою, а послѣ **Гонзало** и **Донна Марія**.*

рія. Всѣ кричатъ виватъ, музыка играетъ съ литаврам, потомъ Нотаріусъ читаетъ контрактъ.)

„Мы нижеподписавшіеся съ „согласія родителей и сродниковъ „нашихъ вѣчной и неразрывной „союзъ заключаемъ; и хотя одна „воля и любовь жениха съ невѣстою „супружеству потребна, однакожъ „мы, не хотя и права гражданскія „нарушить, употребляемъ всѣ къ „тому надлежащія церемоніи, и со„гласіе друзей нашихъ присовокуп„ляемъ, въ чемъ они обще съ нами „и подписались.„

Гонзало.

Де ла Минасъ Марія Калибрадосъ.

Д. Ранудо.

Что это Гонзало?

Гонзало (снявъ маску).

Такъ, сударь! къ услугамъ вашимъ.

Д. Рануд.

Этотъ обманъ публично наказанъ быть долженъ.

Д. Олимпія.

А контрактъ изодрать надлежитъ.

Нотаріусъ.

Этого сдѣлать не льзя; свадьба, которая по всѣмъ правамъ съ согласія и подписками всѣхъ утверждена, не можетъ быть уничтожена.

Д. Олимпія.

Да это обманомъ все сдѣлано.

Нотаріусъ.

Объ этомъ мы не знаемъ; мы то сдѣлали, что должность наша требуетъ.

Д. Рануд.

Этотъ контрактъ для неравенства персонъ совсѣмъ не дѣйствителенъ.

Но-

Нотаріусъ.

Мы никакого неравенства не видимъ, потому что какъ женихъ, такъ и невѣста оба Дворянской фамиліи; а неравенство развѣ въ томъ только есть, что Гонзало беретъ невѣсту безъ приданаго.

Д. Олимпія.

Дочь моя умретъ лучше, нежели не по состоянію своему выдетъ замужъ.

Д. Марія.

Подлинно я умереть лучше желаю, нежели потерять такого жениха, котораго я давно люблю.

Д. Олимпія.

Донъ Ранудо! не станемъ ее больше за дочь свою признавать, и лишимъ наслѣдства.

Педро.

Педро.

Да было бы чего лишить, и то вить развѣ только одна епанча чорная останется.

Д. Олимпія.

Я вижу, бездѣльникъ! что и ты ихъ же партіи. Леонора! позови людей къ намъ на помощь.

Леонора.

Мнѣ этого сдѣлать не льзя, сударыня! для того что и я ихъ же партіи. Да думаю, что и весь городъ этому обману радоваться станетъ.

Гусманъ.

Куда какъ хитро сдѣлала ты, Леонора! я право думалъ, что это точной Арабской Принцъ.

Д. Олимпія.

Этотъ контрактъ не только что уничтоженъ будетъ, да и вы всѣ

всѣ за обманъ публично наказаны будете.

Гонзало.

Контрактъ сдѣланъ правильно, и опорочить его не льзя.

Д. Ранудо.

Я ссылаюсь на всѣхъ служителей моихъ въ томъ.

Педро.

Я могу доказать, что свадьба заключена.

Леонора.

И я доказать могу, что невѣста жениха давно любила.

Нотаріусъ.

Дѣти должны хотя подвластны родителямъ своимъ быть, пока въ возрастъ придутъ, и пока родители въ цѣломъ умѣ; а въ противномъ случаѣ позволено имъ по своей волѣ поступать по артикулу Испанскому: Si foriosus etc.

Д.

Д. Ранудо.

Да развѣ мы не въ цѣломъ умѣ? Спросите дочери моей и всѣхъ людей, дѣлалиль мы когда такое что нибудь, по чему бы насъ сумозбродными почесть можно было?

Д. Марія.

Я не знаю, батюшка! за разумъ ли это почесть, что вы лучше хотѣли съ голоду умереть, нежели отдать меня замужъ за Гонзало.

Педро.

Я также держу, что господинъ и госпожа наши не въ цѣломъ умѣ.

Леонора.

И я тогожъ мнѣнія.

Гусманъ.

Я почитаю господъ своихъ за разумныхъ людей; а сказать правду, ка-

кажется мнѣ, будто есть у нихъ нѣчто такое въ головѣ, которое у безумныхъ бываетъ.

Нотарiусъ.

Вотъ видите свидѣтельство служителей вашихъ, въ которомъ здѣсь и нужды не было, для того что весь городъ такогожъ объ васъ мнѣнiя; а что сдѣлано, то все по правамъ сдѣлано.

Д. Олимпiя.

Ахъ, Донъ Ранудо! пойдемъ лучше въ монастырь.

Леонора.

А мы станемъ свадьбу играть.

КОНЕЦЪ.

